

ЗНАМЕНИТЫХ
САМОУБИЙЦ

CF FOLIO

100 знаменитых

Елена Кочемировская

50 знаменитых самоубийц

«Фолио»

2004

Кочемировская Е.

50 знаменитых самоубийц / Е. Кочемировская — «Фолио»,
2004 — (100 знаменитых)

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности или невозможности своего существования. Зачастую проблемы разного рода, душевная и физическая боль, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноскэ, Геннадий Шпаликов, Эрнест Хемингуэй, Всеволод Гаршин и многие другие. О 50 самых известных самоубийцах и причинах, по которым они лишили себя жизни, и рассказывается в этой книге.

Содержание

Предисловие	5
АКУТАГАВА РЮНОСКЭ	8
АНТИСФЕН	12
АНТОНИЙ МАРК	16
БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ	25
БРУТ МАРК ЮНИЙ	30
БУССЕНАР ЛУИ АНРИ	36
ВАН ГОГ ВИНСЕНТ	39
ВЕЙНИНГЕР ОТТО	47
ВУЛЬФ ВИРДЖИНИЯ	52
ГАРИ РОМЕН	57
ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ	64
ГИТЛЕР АДЛЬФ	69
ДЕЛЁЗ ЖИЛЬ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Елена Кочемировская

50 знаменитых самоубийц

Предисловие

Самоубийство, или суицид, – это намеренное прекращение собственной жизни. Решение покончить с собой может быть вызвано самыми разными причинами. Существует целый ряд закономерностей, связанных с самоубийством. Так, в мирное время суициды случаются чаще, чем в военное. Мужчины кончают с собой почти в три раза чаще, чем женщины, хотя частота суицидальных попыток (иногда демонстративных, то есть тех, которые преследуют цель обратить на себя внимание, а не расстаться с жизнью) у женщин значительно выше. В какой-то степени эти различия могут быть объяснены тем, что мужчины обычно совершают самоубийство такими решительными способами, как пистолетный выстрел, повешение или отравление угарным газом, в то время как женщины чаще прибегают к приему больших доз лекарств, что с меньшей вероятностью приводит к смерти. Число самоубийств в больших городах значительно превышает этот показатель в сельской местности. Если раньше самоубийства чаще всего совершались пожилыми людьми, то к концу XX века резко выросло количество суицидов среди молодежи 15–24 лет. Риск самоубийства повышают безработица и отсутствие собственной семьи.

Суициды совершались на протяжении всей истории человечества. Одно время полагали, что это болезнь современной цивилизации, неизвестная примитивным культурам, однако это обобщение неверно. Например, среди отдельных племен индейцев Южной Америки самоубийства являются основной причиной смерти (но в то же время есть племена, где не существует самого этого понятия).

Столь же неверно приписывать склонность к суицидам современности. Самоубийства были широко распространены уже в Древней Греции и Древнем Риме, причем такая смерть если и не была одной из самых почетных, то уж во всяком случае не осуждалась.

Иудейская религия, а вслед за ней христианство, подчеркивающие святость человеческой жизни, осуждают самоубийство. Тем не менее, в еврейской исторической литературе существует несколько примеров суицида; наиболее известно массовое самоубийство 960 человек в Масаде, предпринятое во избежание резни и порабощения римлянами в 73 г. н. э. Законы Талмуда запрещали произносить надгробное слово над телом человека, покончившего с собой, но поощряли сочувственное отношение к родственникам погибшего.

Самоубийство было, по-видимому, довольно распространенным явлением в раннехристианские времена, в период Римской империи. В христианстве официальное осуждение суицида впервые сформулировал св. Августин (354–430) в книге «О Граде Божиим» (*De civitate Dei*). В XIII веке Фома Аквинский осуждал самоубийство на основании трех причин: как извращение природного чувства самосохранения, как прегрешение против общества и как прегрешение против Бога.

Некоторые азиатские культуры придерживались более терпимого отношения к суициду. Например, в ряде областей Индии и Китая до сих пор принято самоубийство вдов после смерти мужей (например, в Индии по этой причине число самоубийств среди женщин значительно превышает количество суицидов у мужчин). Другие типичные мотивы – попытка избежать пленения во время войны, стремление следовать за учителем и после его смерти, страх стариков стать обузой для семьи. В Японии многие воины и представители благородных классов прибегали к суициду как к альтернативе наказания за содеянное преступление и единственно достойному способу избавиться от позора себя и свою семью.

В истории мусульман суицид – редкое явление. Коран строжайше запрещает его, и частота самоубийств среди мусульман и сегодня остается низкой.

Юридические установки по отношению к самоубийству тоже изменялись. Английский закон запрещал суицид и подвергал наказанию лиц, предпринимавших попытки нанести себе повреждения. В большинстве современных культур совершению самоубийства также препятствуют законодательные запреты или религиозные табу. Например, в большинстве штатов США действует закон, запрещающий помогать другому человеку покончить с собой. С другой стороны, в ряде стран, например в Нидерландах, разрешена эвтаназия («самоубийство с врачебной помощью»), т. е. прием быстродействующих и вызывающих летальный исход препаратов, назначенных врачом с целью положить конец мучениям больного изнурительной смертельной болезнью. Эвтаназия стала предметом горячих споров, поскольку современная медицина позволяет продлить жизнь даже безнадежно больных. В редких случаях, например в военное время, акты самоуничтожения могут рассматриваться как альтруистические, особенно если речь идет о смерти ради спасения других людей.

Социологи пытались объяснить самоубийство действием социальных и культурных факторов. Э. Дюркгейм, например, рассматривал его как следствие деградации социальных связей и нарастающей изоляции человека в обществе. Другие ученые усматривали причину суицидов в росте городской цивилизации, чрезмерной урбанизации, крахе семейных ценностей и снижении влияния церкви.

Некоторые писатели воспевают самоубийство как проявление артистического самовыражения – такая романтизация игнорирует муки человека, замышляющего самоубийство, и страдания его близких, однако оказывается чрезвычайно привлекательной для эмоционально нестабильных людей (прежде всего, подростков и молодежи). Так, именно эта причина обусловила эпидемию самоубийств, которая прокатилась по Европе в конце XIX – начале XX веков, когда молодые люди расставались с жизнью, следуя «моде».

Сегодня считается, что основная причина суицида – ощущение человеком бессмысленности своего существования. Количество самоубийств зависит от положения, в котором находится общество, в частности от экономической нестабильности, идеологической неразберихи, переоценки общественных ценностей и норм морали. Что касается крупных городов, то здесь существует такое явление, как анонимность в толпе – ситуация, когда человек ощущает страшное одиночество, имея массу знакомых, коллег, приятелей.

В то же время причины самоубийства не сводятся к проблеме одиночества, хотя, безусловно, она очень важна. Зачастую накопившиеся проблемы, душевная боль, крушение жизненных планов, непонимание, несчастная любовь становятся той стеной, которой человек отгораживается от окружающих, а потом, оказавшись в эмоциональном вакууме, не может с ним справиться. Так ушли из жизни Марина Цветаева, Сергей Есенин, Акутагава Рюноске, Геннадий Шпаликов...

Однако, кроме одиночества, есть еще целый список не менее значимых предпосылок, которые в разное время приводили людей различных профессий, склонностей, достатка, семейного положения и религиозных взглядов к самоубийству:

– старение и болезни. Здесь, как это ни парадоксально, основным мотивом становится... страх смерти – не мгновенной, а долгого умирания. По этой причине расстались с жизнью Демокрит, чета Лафаргов, Ромен Гари, Жиль Делёз, Эрнест Хемингуэй, Джек Лондон, Зигмунд Фрейд. Впрочем, зачастую в основу решения о самоубийстве ложится психическая болезнь (как, например, в случае Вирджинии Вульф, Ван Гога, Всеволода Гаршина), а иногда алкоголизм или наркомания (Алексей Толстой, Глеб Успенский);

– политические и патриотические мотивы. Тут можно назвать героические самоубийства (японские камикадзе, Гастелло, Александр Матросов), протест против существующего положения дел (самоубийства народовольцев Софьи Гинзбург, Егора Сазонова, смерть Серго

Орджоникидзе и др.), страх разоблачения и/или репрессий со стороны режима (Александр Радищев, самоубийства организаторов ГКЧП), давление со стороны существующей власти (Сенека, Лукиан, Сократ, Александр Фадеев);

– творческий кризис, страх перед «снижением планки», снисходительным отношением критиков и бывших поклонников, боязнь услышать полупрезрительное: «Что ж, живет старыми заслугами, ничего нового создать уже не может». Этот мотив особенно значим для тех, кого принято называть «работниками творческих профессий» – писателей, актеров, художников, композиторов. Именно им зачастую объясняются «роковые годы творцов» – двадцать семь и тридцать семь лет. Дело в том, что на эти возрастные периоды приходится так называемые «жизненные кризисы» – время осознания своих достижений и перспектив, переоценки своей жизни, выработки новых ценностей. Через эти кризисы, которые повторяются каждые 7–9 лет, проходит каждый человек, но большинство преодолевает их: кто-то меняет работу, кто-то семью, кто-то погружается в быт, кто-то переезжает на новое место, кто-то продолжает жить как раньше... Творческие люди переживают кризисы значительно острее, да и сменить род деятельности им не под силу. И в результате единственным выходом оказывается самоубийство. Список погибших из-за творческого кризиса, часто усугубленного алкоголем или наркотиками, очень велик. Большую роль в принятии решения об уходе из жизни играет желание сохранить и отстоять свои мировоззренческие позиции или хотя бы умереть в том же стиле, в котором прошла вся жизнь. Так ушли из жизни, например, Сократ, Юкио Мисима, Луи Буссенар, Отто Вейнингер, Джироламо Кардано...

Перечислять причины, приводящие к самоубийствам, можно до бесконечности, равно как и имена известных людей, которые расстались с жизнью по доброй воле. Конечно, рассказать о всех них под одной обложкой невозможно – разве что просто привести список.

В предлагаемой книге представлены жизненные истории знаменитых людей, покончивших с собой по таким причинам:

– самоубийства, связанные с политическими событиями Древнего Рима, Древней Греции и России (начиная со времен Российской империи и заканчивая распадом СССР). Особняком стоит описание жизненного пути Адольфа Гитлера, который был включен в книгу после долгих колебаний – в назидание потомкам;

– самоубийства, связанные со страхом старости, одряхления, нежеланием быть обузой для окружающих. Эта фобия была свойственна людям во все времена – начиная с Древней Греции и до наших дней;

– самоубийство из-за болезни;

– самоубийство как следствие невыносимых жизненных условий, в которых оказывается человек. Речь, разумеется, идет о субъективной невыносимости – глубоком личностном кризисе, невозможности (или неспособности) увидеть выход из сложившейся жизненной ситуации, неумении справиться с ней;

– самоубийство под влиянием, условно говоря, «шоу-бизнеса». Здесь речь идет о суицидах, спровоцированных разрывом между собственными творческими устремлениями артиста и требованиями публики;

– самоубийство как продолжение жизни, как реализация жизненного стиля и мировоззренческих позиций.

АКУТАГАВА РЮНОСКЭ

(род. в 1892 г. – ум. в 1927 г.)

«Подрагивает весенняя ветка.
Мгновение назад
С нее упала маргышка».

Акутагава Рюноскэ

«Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачном, как лед... Лишь природа стала для меня во много раз прекраснее. Тебя, наверное, это насмешит: человек, очарованный красотой природы, думает о самоубийстве. Но природа потому так и прекрасна, что отражается в моем последнем взоре».

Акутагава Рюноскэ, «Письмо к другу»

«...Еще никто не описал достоверно психологию самоубийцы. Видимо, это объясняется недостаточным самолюбием самоубийцы или недостаточным психологическим интересом к нему самому. В этом своем последнем письме к тебе я хочу сообщить, что представляет собой психология самоубийцы. Разумеется, лучше не сообщать побудительные мотивы моего самоубийства...» Этими словами Акутагава Рюноскэ, один из известнейших японских писателей,

начинает свое предсмертное «Письмо к другу». Его короткая жизнь оставила неизгладимый след в литературной жизни не только Японии, но и всего мира.

Никто так и не узнал, что именно побудило писателя свести счеты с жизнью. И мало кого его поступок удивил: задолго до этого Рюноскэ так много говорил и писал о самоубийстве, что его друзья и знакомые попросту привыкли к этому... Да и кроме того, незадолго до смерти Акутагава написал три рассказа о смерти, так что не было ничего удивительного в его разговорах на эту тему – просто еще один источник вдохновения. А ведь в этих рассказах Рюноскэ описал себя, свое мучительное душевное состояние, свой страх перед безумием и творческим опустошением. Но, конечно, это стало очевидно уже после его смерти...

Акутагава ушел из жизни, приняв смертельную дозу снотворного. Ему было всего тридцать пять – роковой возраст для гениев...

* * *

Япония и мы. Что мы Японии, что она нам? Мы – ей немного, она нам, пожалуй, поболее: – две войны и патриотический репертуар («...Врагу не сдается наш гордый "Варяг"...»; «...На границе тучи ходят хмуро...»)...

– много-много красивых слов: «банзай», «самурай», «харакири», «камикадзе», «гейша», «покемоны», «кимono», «ниндзя», «Йоко Оно», «Фудзияма», «сакура», «сакэ», «якудза», «суси», «Sony», «Panasonic», «Акунин»...

– несколько... э-э-э, фразеологизмов (японский городской, например)...

– мультики с широкоглазыми персонажами...

А еще Страна восходящего солнца подарила нам хокку и танка, удивительное кино, прозу, картины... И – Дракона.

1 марта 1892 г. – в час Дракона день Дракона месяц Дракона – в семействе Ниихара родился мальчик Рюноскэ. Это имя было дано младенцу потому, что «Рю» – иероглиф Дракона, совершенного существа, священного для Японии. Через девять месяцев мать Рюноскэ сошла с ума... Болезнь матери стала для мальчика серьезной травмой; уже став взрослым, он много размышлял об утрате рассудка, не без оснований опасаясь той же участи.

Рюноскэ родился, когда отцу, торговцу молоком, было сорок два года, а матери – тридцать три. Следуя старинному обычаю, родители сделали вид, будто ребенка им подкинули, и отдали его на воспитание в дом сестры матери, которая хотя и была замужем, но детей не имела. Это было сделано из суеверных соображений, поскольку в Японии считается не очень хорошей приметой, когда родителям новорожденного за тридцать. Мальчик воспитывался в семье своего дяди – Акутагавы Митиаки, и в итоге дядина фамилия прославилась, а родная – Ниихара – канула в Лету.

В 1910 г. Рюноскэ с отличием окончил Токийскую муниципальную среднюю школу и поступил в колледж на литературное отделение, окончив который в 1913 г., стал студентом английского отделения Токийского императорского университета. Занятия в университете разочаровали начинающего литератора – лекции оказались пресными и скучными, и он перестал их посещать, увлекшись изданием журнала «Синейте».

Англия, Франция, Германия, Россия – четыре страны, к которым было приковано внимание молодых японских гуманитариев того времени. Но только Акутагава решился раздвинуть рамки японской литературы того времени. Первая же новелла «Ворота Расёмон», написанная в 1915 г., принесла ему мировую известность. Оставаясь в пределах национальной тематики и географии, демонстративно обратившись к древней традиции, Рюноскэ писал так, как японцы никогда не писали.

В том же году Акутагава создал «Нос» – не менее знаменитое произведение, которое стало вехой творческого пути писателя. Отправной точкой для создания этой новеллы послу-

жил гоголевский «Нос» – повесть о том, как нос майора Ковалева покинул свое законное место на его лице и отправился гулять по Санкт-Петербургу. Только сюжет японского «Носа» несколько отличался от повести Гоголя: нос монаха Дзэнти, главного персонажа, был слишком длинен, и он всю жизнь мечтал укоротить его. В конце концов ему это удалось, но вот жить с обычным носом монах не смог. Жизнь лишилась смысла...

В 1916 г. Акутагава окончил университет и получил должность преподавателя английского языка в Военно-морской школе. Он писал тогда своей будущей жене, что люто ненавидит преподавание: «Стоит мне увидеть лица учеников, как сразу же охватывает тоска – и тут уж ничего не поделаешь. Но зато я моментально оживаю, когда передо мной бумага, книги, перо и хороший табак».

И тем не менее, это было самое светлое время в его жизни. За девять месяцев Акутагава создал около двадцати новелл, эссе и статей; он становится непревзойденным мастером короткого рассказа. Слава пришла к писателю довольно рано, и жизнь его была вполне благополучна: крепкая семья, литературный успех, признание публики. Однако сам Рюносукэ считал, что живет в аду.

Он жил в постоянном страхе, боясь безумия и творческого истощения. В последние годы этот страх стал неотвязно преследовать Акутагаву, хотя его рассудок оставался незамутненным, а писал он все больше. Однако после тридцати писателю стало все труднее братья за перо, и это вселяло в него «...смутную тревогу, какую-то смутную тревогу за свое будущее». Он все сильнее беспокоился о том, что сойдет с ума, как мать; все чаще ему казалось, что талант иссяк и он не может больше писать, что надвигается творческий кризис и пустота. Больше всего на свете Акутагава стремился к семейному уюту, «нормальной» жизни, и больше всего на свете боялся этой самой «нормальности», убивающей творчество.

Душевное напряжение достигло пика, и в довершение всего на писателя обрушилась бессонница, побороть которую удавалось только постоянным увеличением доз снотворного. И вскоре Рюносукэ уже не мог обходиться без него, а лекарственный дурман не оставлял его и днем.

В марте 1927 г. он написал рассказ «Мираж», в котором отчетливо прозвучал мотив предполагаемой смерти, но ярче всего состояние писателя раскрыто в автобиографической новелле «Зубчатые колеса» и повести-исповеди «Жизнь идиота»: «...У него дрожала даже рука, державшая перо. Мало того, у него стала течь слюна. Голова у него бывала ясной только после пробуждения от сна, который приходил к нему после большой дозы веронала. И то ясной она бывала каких-нибудь полчаса. Он проводил жизнь в вечных сумерках, словно опираясь на тонкий меч со сломанным лезвием...»

Именно тогда Акутагава окончательно утверждает в решении уйти из жизни. Вообще-то, его давно привлекала идея самоубийства, он даже когда-то провел эксперимент: сдвинул себе горло веревкой и стал следить по секундомеру, сколько времени ему потребуется, чтобы умереть. Через две минуты двадцать секунд сознание начало меркнуть, и Акутагава на этом остановился – способ самоубийства путем удушения ему не понравился.

Многие новеллы Акутагавы посвящены христианству, встрече японской культуры и католичества, Востока и Запада... Изучение Библии, осмысление жизни Христа и христианских догматов только укрепляют решимость писателя покончить с собой: «...Я не считаю самоубийство грехом, в чем убеждены рыжеволосые, – пишет он в своем «Письме к другу». – Шакья-Муни (Будда. – Прим. авт.) в одной из своих проповедей одобрил самоубийство своего ученика... Люди, решительно совершавшие... самоубийство, должны были в первую очередь обладать мужеством».

И Акутагава проявил мужество, как он его себе представлял. Он долго готовил свое самоубийство – иероглиф Дракона, совершенного существа, под которым Рю родился и прожил яркую жизнь, требовал, чтобы последний росчерк кисточки был совершенен:

«...Первое, о чем я подумал, – как сделать так, чтобы умереть без мучений. Разумеется, самый лучший способ – повеситься. Но стоило мне представить себя повесившимся, как я почувствовал переполняющее меня эстетическое неприятие. Не удастся мне достичь желаемого результата, утопившись, так как я умею плавать. Но даже если паче чаяния мне бы это удалось, я испытаю гораздо больше мучений, чем повесившись. Смерть под колесами поезда внушает мне то же эстетическое неприятие, что и повешение. Застрелиться или зарезать себя мне тоже не удастся, поскольку у меня дрожат руки. Безобразным будет зрелище, если я брошусь с крыши многоэтажного здания. Исходя из всего этого, я решил воспользоваться снотворным. Умереть таким способом мучительнее, чем повеситься, но зато не вызывает того отращения, как повешение, и, кроме того, не несет опасности, что меня вернут к жизни...

Следующее, что я продумал, – это место, где покончу с собой... Я тревожился, как бы из-за самоубийства мой дом не стал пользоваться дурной славой... Я хочу покончить с собой так, чтобы, по возможности, никто, кроме семьи, не видел моего трупа.

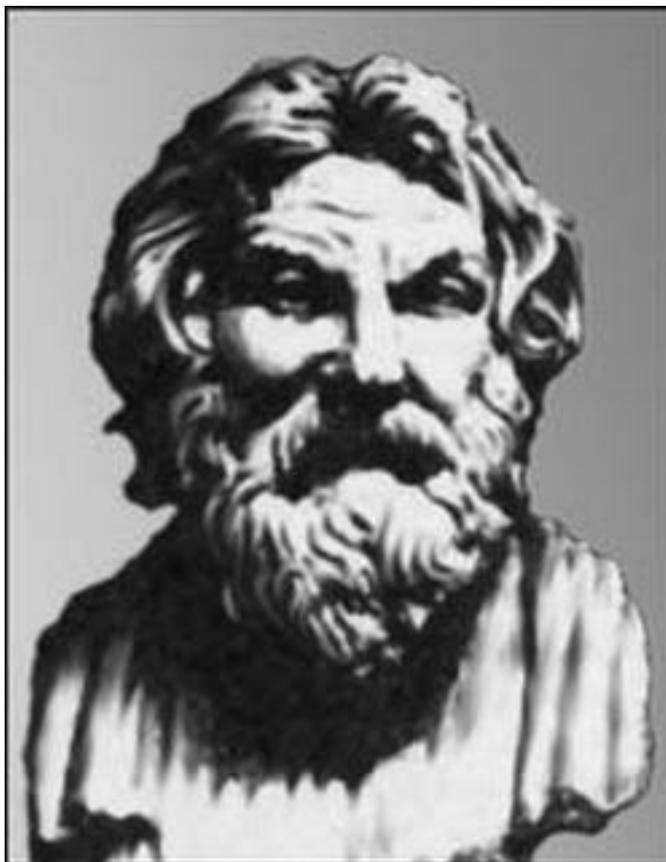
И последнее. Я постарался сделать все, чтобы никто из семьи не догадался, что я замышляю покончить с собой. После многомесячной подготовки я, наконец, обрел уверенность. (Я вдаюсь в такие мелочи потому, что пишу не только для тех, кто питает ко мне дружеское расположение. Я бы не хотел быть виновником того, чтобы кого-то привлекли к ответственности по закону о пособничестве в совершении самоубийства...)

Я хладнокровно завершил подготовку и теперь остался наедине со смертью...»

24 июля 1927 г. в возрасте тридцати пяти лет Рюноскэ Акутагава покончил с собой. Его путь – от начала литературной славы до смертельной дозы веронала оказался очень короток – всего 12 лет. В 1935 г. писатель и издатель Кикиути Кан учреждает ежегодную премию имени Акутагава Рюноскэ, которой и по сей день удостоиваются талантливые молодые литераторы Японии.

АНТИСФЕН

(род. ок. 450 г. до н. э. – ум. ок. 360 г. до н. э.)

«Принято думать, что толпы оборванных молодых людей, которые слоняются по дорогам и улицам больших городов, появились только в нашу эпоху, пресыщенную цивилизацией. Между тем античный мир тоже знал своих хиппи; они во многом были похожи на нынешних, хотя, в отличие от них, исповедовали ясную и законченную философию опрощения».

о. Александр Мень, История религии. Т. 6

«В жизни своей, Антисфен,
ты псом был недоброго нрава,
Речью ты сердце кусать лучше, чем
пастью, умел...»

Диоген Лаэртский (Лаэртский); III в. н. э.

Сократ оставил достойных продолжателей своих идей. Одним из них стал его ближайший друг и ученик Антисфен. Антисфен и смерть выбрал достойную памяти учителя – по легенде, достигнув глубокой старости, он закололся кинжалом.

Открытым остается вопрос относительно возраста, в котором Антисфен ушел из жизни: по одним сведениям, он умер около 370 г. до н. э., а по другим – не менее достоверным, – около 336 г. до н. э. Разброс, как видим, значительный. То же и с датой рождения – не то 455 г.

до н. э., не то 445 г. до н. э., а то и вообще 435 г. до н. э. В общем, непонятно, когда родился, и тем более, когда умер.

Надо сказать, что вся эта неразбериха с датами, скорее всего, только порадовала бы Антисфена – очень уж он не любил людей и, подобно настоящему псу, кидался на всякого, кто ему не нравился, как по вздорности характера, так и из философских соображений. Вообще, по отзывам современников, Антисфен был настолько же необычным, насколько и неприятным человеком (хотя его ученик Диоген Синопский, о котором пойдет речь в другой статье, намного превзошел своего наставника).

Антисфен, сын афинского гражданина Антисфена, не был чистокровным и свободно-рожденным афинянином – его родила фракийская рабыня, и потому он не имел гражданства. Очевидно, он страдал от своего «нечистого» происхождения, поскольку всю жизнь желчно высмеивал афинян, которые гордились чистотой крови, заявляя, что они ничуть не родовитее улиток или кузнечиков. Себя Антисфен кокетливо называл «непородистым псом», но когда его попрекнули тем, что он происходит не от свободнорожденных родителей, ответил: «Но ведь и атлетами мои родители не были, а я тем не менее атлет».

О детстве Антисфена нет никаких сведений. В юности он учился у знаменитого ритора и софиста Горгия, а потом примкнул к Сократу. Антисфен был настолько увлечен беседами с Сократом, что ежедневно ходил к нему из Пирея, расположенного в нескольких километрах от Афин, и даже убеждал своих учеников вместе с ним учиться у афинского мудреца.

Цицерон, древнеримский оратор, как-то сказал, что после разговоров с Сократом у разных людей складывались самые неожиданные и далекие друг от друга воззрения. Антисфен – лучший тому пример: Сократ оказал на него огромное влияние, но его философские взгляды очень далеки от идеалов учителя. Сократ свято чтит законы и традиции города (и даже лишил себя жизни, соблюдая их), а Антисфен их желчно высмеивал. Умозрительные поиски философа тоже не слишком интересовали ученика.

Главным Антисфен считал «искусство жить», и именно этому он хотел научиться у Сократа. В знаменитом философе его восхищали выдержка, мужество, неприязнительность и умение оставаться счастливым в нужде. Все это, в глазах Антисфена, было вершиной человеческого достоинства и добродетели.

Антисфен старался во всем подражать учителю, а иногда был даже не прочь перещеголять его в «простоте». Так, например, он стал носить лишь один дырявый плащ, сквозь который просвечивало голое тело; Сократ, видя это, заметил: «Сквозь плащ просвечивает твое тщеславие». Тем не менее он любил этого одаренного, хотя и вздорного человека и в последний день жизни пожелал видеть Антисфена среди самых близких людей. После казни Сократа Антисфен нашел способ отплатить его врагам и, как утверждают, стал причиной изгнания и смерти главных обвинителей мудреца.

Довольно скоро Антисфен вознамерился основать собственную школу, но поначалу у него ничего не получалось. Взлохмаченный, в ветхой одежде, с посохом и сумой, вызывавший улюлюканье мальчишек, он казался карикатурой на философа. Однако его образ жизни и философские воззрения стали привлекать все больше людей, которые собирались в гимнасии Киносарг в пригороде Афин, где преподавал Антисфен. Правда, иметь с ним дело было непросто, с учениками он обращался довольно строго, порой пуская в ход палку, приговаривая, что врачи тоже суровы с больными.

«Киносарг» означает «Зоркий пес», и его учеников стали звать киниками (или, в латинской транскрипции, циниками) по названию гимнасии. Впрочем, многие современники Антисфена издевательски производили имя его философской школы непосредственно от слова «кинос» («пес»), намекая на собачий образ жизни этих врагов цивилизации, ставивших ей в вину чуть ли не все человеческие бедствия и требовавших возврата к жизни «согласно при-

роде». Но, несмотря на то, что слова «собака», «пес» были ругательствами, киники гордились своим прозвищем.

Киносарг стал, выражаясь современным языком, культовым местом. Многим нравилось, что Антисфен не требует знания математики, как Платон, что кинические правила доступны всем сословиям. Добровольное нищенство стало входить в моду среди людей, желавших прослыть мудрецами. Приверженцы кинизма, среди которых было немало отпрысков знатных и состоятельных семей, гордо расхаживали по улицам Афин, напялив на себя худшее тряпье и выглядя как последние оборванцы. Сложенный вдвое короткий плащ на голое тело, котомка и посох стали своеобразной униформой киников, которые также переняли обычай Антисфена не стричься, не бриться и ходить босиком. Киников постоянно окружала атмосфера уличного скандала и сенсации. Так сбылась мечта Антисфена, и он стал Истинным Псом – основоположником школы кинизма.

Кинизм стал не столько философской теорией, сколько способом существования (надо заметить, что ни одно философское течение не оставило после себя столько анекдотов). Доктрина истинного циника – крайний индивидуализм человека, живущего сам по себе. Киники отрицали все земные приобретения, жили в самых грубых жилищах и питались только самой простой пищей. Окружение человека рассматривалось как причина страдания, заставляющая его все больше сосредоточиваться на своей внутренней природе.

Киники с вызовом именовали себя «космополитами» – «гражданами мира» и утверждали, что будут жить в любом обществе по своим собственным законам в качестве нищих и юродивых, считая такое не только бедственное, но и унижительное положение наилучшим. Киники хотели быть «нагими и одинокими»; социальные связи и культурные навыки казались им мнимостью, «дымом» (в качестве провокации они отрицали все требования стыда, настаивали на допустимости кровосмешательства и людоедства и т. п.). Все виды физической и духовной бедности для киников предпочтительнее богатства: лучше быть варваром, чем эллином, лучше быть животным, чем человеком.

Исходя из положений своей философской системы, Антисфен принялся за исправление нравов, считая это своим главным призванием. Он нападал на роскошь, высмеивал женские наряды. «Пусть дети наших врагов живут в роскоши!» – говорил он, а также: «Лучше безумие, чем наслаждение».

Антисфен буквально воспринял слова Сократа, призывавшего познать самого себя: человеку нужно лишь ясно определить, что ему дано природой, а что – наносное. Беда людей в том, что они засорили и затемнили представление о самих себе. Если же снять с понятия «человек» всяческие наслоения, то прояснится его истинное призвание, и философия нужна именно для того, чтобы помочь человеку найти свою истинную сущность – добродетель.

«Благородство и добродетель, – говорил он, – одно и то же. Достаточно быть добродетельным, чтобы быть счастливым; для этого ничего не нужно, кроме Сократовой силы духа. Добродетель проявляется в поступках и не нуждается ни в обилии слов, ни в обилии знаний». Добродетель есть подлинно человеческое поведение, настоящая свобода, достичь которой можно, следуя только своим естественным потребностям и отвергнув все лишнее. Полная независимость личности дороже всех благ, за которыми гоняются лишь глупцы. Но не только жизненные удобства, а и любые общепринятые правила Антисфен считал ненужной обузой, которую человек взвалил на себя по недомыслию. Презрев богатство, фальшивые понятия о гражданском долге и чести, отказавшись от минутных удовольствий плоти, легче всего найти себя и, следовательно, свое счастье.

Будучи последовательным атеистом, Антисфен, тем не менее, верил в посмертную жизнь, но отнюдь не торопился познать все блага Аида, считая жизнь священным даром. На вопрос, что блаженнее всего для человека, он сказал: «Умереть счастливым».

Достигнув преклонного возраста, Антисфен все же решил собственноручно прервать свое земное существование, поскольку заболел чахоткой, причинявшей ему немало страданий, а смерть сулила избавление от них. Не дожидаясь, когда его покинут последние силы и оставит разум, он вскрыл себе вены кинжалом, принесенным для этой цели Диогеном Синопским – его ближайшим учеником и наиболее ярким последователем идей кинизма.

АНТОНИЙ МАРК

(род. в 83 г. до н. э. – ум. в 30 г. до н. э.)

«Время не движется. День длится вечность. Бесконечность скуки этой жизни мне не вынести».

Уильям Голдинг

Самоубийство было довольно частым финалом политической карьеры в Древнем Риме. Одним из «многих славных», прошедших по этому пути, стал Марк Антоний – римский полководец, триумвир, трибун, преемник Гая Юлия Цезаря. Впрочем, Марк Антоний прославился не выдающимися моральными качествами (таковых за ним не наблюдалось), дальновидной политикой, мудростью решений или твердостью политических принципов подобно Катону Младшему или Марку Бруту. Наоборот, его образ жизни и многие поступки постоянно навлекали на себя гнев современников.

Но наших дней слава Антония достигла благодаря его любви к египетской царице Клеопатре. Это была страсть, которой он отдался всецело. Она привела его к войне, поражению, позору и, в конце концов, к самоубийству. Любовь Антония и Клеопатры воспета многими художниками слова, но наиболее ярко, пожалуй, она описана Уильямом Шекспиром. В пьесе «Антоний и Клеопатра» он с высокой исторической достоверностью живописует взаимоотношения главных героев и обстоятельства их смерти. Невозможно устоять перед соблазном не

призвать великого драматурга в «соавторы», так что некоторые события будут сопровождаться цитатами из шекспировской пьесы¹.

По легенде, род Антониев вел свое начало от самого Геракла, что якобы подтверждалось необычайным сходством Антония с портретами греческого героя. Марк Антоний родился предположительно в 83 г. до н. э. и был старшим сыном Марка Антония Критского, который не совершил особых подвигов на поприще служения государству. Собственно, прозвище «Критский» он получил в насмешку, когда, будучи претором², проиграл войну против пиратов и ставших на их сторону жителей Крита.

После смерти мужа мать Марка Антония снова вышла замуж – за Корнелия Лентула. Он в свое время стал участником заговора Каталины и был казнен по приказу Цицерона. Это стало причиной лютой ненависти Антония к оратору, и Цицерон заплатил жизнью за казнь Лентула.

Семья Антония не отличалась богатством, чего не скажешь о друге его юных лет Курионе, который прожигал жизнь, много времени проводил в кутежах и быстро привил Антонию любовь к развлечениям подобного рода. Пристрастие к разгулу сохранилось у него до самой смерти, и он не раз бросал государственные дела ради веселой пирушки.

Из-за своих пагубных пристрастий Антоний попал в «дурную компанию» и некоторое время был сторонником народного трибуна Клодия. Клодий возглавлял настоящую «банду» единомышленников, на которую опирался для достижения своих личных целей. Впрочем, вскоре, то ли не соглашаясь с методами политической борьбы Клодия, то ли опасаясь мести врагов, Антоний уехал в Грецию, где занялся телесными упражнениями и посвятил себя изучению ораторского искусства.

Вскоре Марку Антонию представилась возможность начать самостоятельную карьеру. Некто Авл Габиний, бывший консул, отправляясь править Сирией, пригласил Антония с собой. Тот сначала отверг предложение сопровождать Габиния как частное лицо и отправился с консулом, только получив должность начальника конницы – одну из высших в тогдашней иерархии. Антоний быстро проявил себя как талантливый полководец, отличившись в войне с иудейским царем Аристокбулом и подавив поднятое им антиримское восстание. Затем он прославил себя в Египте, когда царь Птолемей XII Авлет был изгнан подданными из страны и предложил Габинию 10 000 талантов за помощь в захвате трона.

Кроме того, Антоний с легкостью завоевывал не только вражеские позиции, но и расположение солдат. Даже такие его черты, как хвастовство, постоянное зубоскальство, склонность к пьянству, и многочисленные любовные похождения импонировали солдатам.

Во время раздора между Гаем Юлием Цезарем и Гнеем Помпеем Магном Антоний вместе со своим другом Курионом принял сторону Цезаря. Ораторский талант Куриона и деньги Цезаря быстро принесли Антонию должность народного трибуна. В этой должности он оказал Цезарю немало услуг, но, в конце концов, вместе с Курионом был изгнан из курии³. После этого друзья присоединились к армии Цезаря, который, увидев, что политическая игра проиграна, перешел Рубикон и повел войска на Рим.

После захвата Рима Цезарь отправился в Испанию, чтобы разбить находящиеся там войска своего противника Помпея. Столицу он оставил под управлением претора Лепида, а Италию и войско доверил Антонию, который большую часть времени занимался не делами, а болтался среди солдат, упражнялся вместе с ними и раздавал подарки, чем завоевал популярность. Тем временем среди римлян нарастало недовольство Антонием, который не уделял должного внимания делам, был равнодушен к просителям и с упоением предавался разврату. Плутарх пишет: «...следует вообще заметить, что власть Цезаря, которая, поскольку это зависело от

¹ Перевод Михаила Донского.

² Преторы — высшие после консулов должностные лица, ведавшие судопроизводством.

³ Курия — здание для общественных собраний, иногда так называли и само собрание.

него самого, ничем не напоминала тиранию, была опорочена по вине его друзей; больше всего злоупотреблений приходится, по-видимому, на долю Антония».

Вернувшись из похода, Цезарь оставил без внимания многочисленные жалобы на Антония: полководческий талант неудачливого трибуна был нужен для грядущей войны с Помпеем. И Антоний не подвел. Он много раз выручал Цезаря: вовремя и с громадным риском обеспечил подкрепление при переправе через Ионийское море, дважды останавливал бегущих воинов в сражениях, в решающей битве при Фарсале командовал левым флангом войск Цезаря. Помпей был разбит.

Одержав победу, Цезарь стал диктатором и организовал преследование Помпея, а Антония назначил начальником конницы (фактически своим заместителем) и отправил в Рим. В Риме Антоний опять показал себя не с лучшей стороны: аристократии не нравился его, мягко говоря, нескромный образ жизни, а с представителем народа, трибуном Долабеллой, Антоний рассорился, заподозрив его в связи со своей женой (ее он выгнал из дому).

Вернувшись с войны, Цезарь заставил Антония прекратить разгульный образ жизни (несмотря на то, что любовные похождения самого Цезаря вызывали массу пересудов). Антоний женился на Фульвии, вдове своего приятеля Клодия, женщине с властным и твердым характером. Вот что пишет Плутарх: «Фульвия замечательно выучила Антония повиноваться женской воле и была бы вправе потребовать плату за эти уроки у Клеопатры, которая получила из ее рук Антония уже совсем смиренным и привыкшим слушаться женщин».

Убийство Цезаря и отношения Антония с заговорщиками уже описаны в статье, посвященной Бруту. После бегства Брута, Кассия и их сторонников вокруг Антония сплотились бывшие цезарианцы. Вдова убитого передала Антонию все деньги и бумаги Цезаря, в том числе и завещание. Антоний стал хозяином положения, он по собственному усмотрению распределял государственные должности, ссылаясь на волю покойного.

Однако такая безоблачная жизнь длилась недолго. На римской политической арене появился молодой человек, который, в конце концов, стал причиной смерти Марка Антония, – наследник Цезаря Гай Юлий Цезарь Октавиан. Он приехал в Рим к Антонию и напомнил о деньгах, отданных тому на хранение, ведь согласно завещанию из этих средств каждый римлянин должен был получить по 75 динариев. Антоний, разумеется, не спешил раздавать эти деньги гражданам Рима. Финансовые разногласия и открывшаяся нечистоплотность Антония в денежных делах привели к вражде между ним и Октавианом. Антоний мало того, что не отдавал деньги, но еще и унижал Октавиана, препятствуя его политической карьере. Вскоре сторону Октавиана принял Цицерон и другие противники Антония.

Через некоторое время, после неудачной попытки примирения, противники собрали войска, готовясь к кровопролитной войне. Цицерон настроил сенат против Антония, которого объявили врагом государства, Антоний проиграл битву с войсками консулов и был изгнан из Италии.

Бежав через Альпы, он добрался до войск Лепида, старого друга Цезаря. Тот, впрочем, не спешил поддержать Антония, и тогда он, умело используя свою популярность среди солдат, склонил воинов Лепида на свою сторону. К чести Марка Антония следует сказать, что с Лепидом он поступил по тем временам великодушно, сохранив за ним все почести и титул императора, который первоначально был почетным титулом полководца.

В это время в Риме произошел раскол между Октавианом и Цицероном: Цицерон был сторонником республики, а Октавиан стремился к единовластию. Октавиан предложил Антонию и Лепиду провести переговоры, в результате которых государство было разделено на три части. Единственную сложность на переговорах вызвало составление проскрибций – списков лиц, объявленных вне закона (людей, попавших в эти списки, мог безнаказанно убить кто угодно, а их имущество конфисковывалось). В конце концов договоренность была достигнута, произошел страшный и бесчеловечный обмен тяжелыми фигурами: Октавиан уступил Анто-

нию Цицерона, а в обмен отдал жизнь своего дяди Луция Цезаря. Всего в проскрибций попало около трехсот человек.

Антоний приказал своим людям не просто найти и убить Цицерона, но отрезать ему голову и руки – орудия, которые помогали Цицерону писать «Филиппики» против него⁴. Получив эти трофеи, Антоний смеялся от радости, а затем велел разместить их на ораторском возвышении форума. Уже в те времена подобный поступок был беспримерной дикостью, и Антоний лишний раз дал повод считать себя варваром, рушащим традиции Римской империи.

После заключения договора с Лепидом и Октавианом Антоний использовал свою власть преимущественно для личного обогащения, продавая имущество проскрибированных и вводя новые налоги. Антоний предался безудержному кутежу – своему излюбленному занятию со времен юности.

В 42 г. до н. э. началась очередная военная кампания – Антоний и Октавиан выступили в поход против войск Брута и Кассия, одержав выдающуюся победу. После этого Октавиан отправился в Рим, а Антоний продолжил победоносный поход. Во главе большого войска он двинулся в Грецию, оттуда – в Азию, закатывая по пути грандиозные пиршества и собирая дань. Любовь к пирам и обильным возлияниям не осталась незамеченной; жители греческого Эфеса, желая польстить Антонию, устроили ему встречу, на которой прославляли его под именем Диониса – бога вина и веселья. Это сравнение и закрепилось за ним.

Добравшись до Киликии⁵ и готовясь к войне с Парфией, Антоний решил примерно наказать египетскую царицу Клеопатру, предварительно выслушав ее оправдания по поводу того, почему она помогала деньгами не только войску Антония, но и его противнику Кассию. Антоний отправил в Египет гонца и велел Клеопатре явиться к нему для объяснений. Это, казалось бы, незначительное решение перевернуло всю его жизнь.

Клеопатра явилась к Антонию не как обвиняемая. Она прибыла покорять и, похоже, знала, что для этого нужно. Приготовив щедрые дары для Антония и роскошные наряды для себя, царица отправилась в Киликию.

Она плыла на специально построенной ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами. Под музыку флейт, свирелей и кифар дружно двигались весла. Клеопатра возлежала под навесом в наряде богини любви Афродиты. По сторонам лежа стояли переодетые Эросами мальчики с опахалами; самые красивые рабыни стояли на палубе, изображая нимф. Вдоль всей реки ладью провожали толпы почтительно согнувшихся египтян, вышедших взглянуть на это чудо; люди славили Клеопатру, без усталости повторяя, что Афродита плывет навстречу Дионису.

Стоит ли говорить, что равнодушный к чувственным наслаждениям Антоний не устоял перед таким великолепием вкупе с грубой лестью. Увлеченный Клеопатрой, Антоний бросил все свои дела и отправился с нею в Египет, где предался разгулу, какой не снился его далекому потомку Нерону.

Богатейшие граждане Александрии, города, где обосновались Антоний и Клеопатра, образовали группу и назвали ее «Союз неподражаемых». «Неподражаемые» ежедневно закатывали роскошные пиры, неизменными участниками которых были Антоний и Клеопатра. В это время супруга Антония Фульвия вела войну против Октавиана, защищая интересы мужа, а парфяне хозяйничали в Месопотамии.

И вот в самый разгар своих развлечений Антоний получает две новости, причем обе плохие. Первая – его супруга Фульвия и брат Луций потерпели поражение в войне с Октавианом и бежали из Италии. Вторая – парфяне вторглись в Азию и успешно ее покоряют. Немного придя

⁴ Изначально филиппиками назывались речи Демосфена, направленные против Филиппа Македонского, а позднее Цицерон заимствовал название у греческого оратора и патриота, намекая, в том числе, на свою верность идеалам Рима, которые попирает Марк Антоний.

⁵ *Киликия* — в древности область в Малой Азии на юге современной Центральной Турции.

в себя, он решил идти против парфян, но тут получил письмо от Фульвии, которая потребовала Антония к себе. Прекратив поход, он во главе двухсот судов отправился в Италию, но, пока был в дороге, Фульвия, двигавшаяся ему навстречу, заболела и умерла.

Нет худа без добра. Смерть Фульвии помогла Антонию в 40 г. до н. э. заключить новое соглашение с Октавианом. Держава была поделена на две части. Западную получил Октавиан, восточную – Антоний, а Африку отдал Лепиду. Для укрепления отношений Марк Антоний женился на сводной и горячо любимой сестре Октавиана, Октавии. В Азию для борьбы с парфянами был отправлен полководец Вентидий, а сам Антоний остался править в Риме вместе с Октавианом. Казалось, отношения между ними наладились, однако самолюбие Антония постоянно страдало: в забавах и играх Октавиан всегда превосходил его. Один египетский предсказатель как-то сказал ему: «Твой гений боится его гения, сам по себе он высокомерен и кичлив, но вблизи от него впадает в смирение и уныние».

В 38 г. до н. э. Антоний получил известие о победах Вентидия и отправился в Азию разделить с полководцем славу победителя. После этого он снова проникся враждой к Октавиану и отправился воевать с ним в Италию во главе флота из трехсот судов.

Однако в этот момент дала о себе знать жена Антония. Она смогла если не предотвратить, то отсрочить гражданскую войну. Покинув мужа, беременная Октавия отправилась к брату и убедила его не вступать в войну. После примирения и обмена любезностями Антоний оставил жену и своих детей (в том числе и от первого брака) на попечение Октавиана и отправился на войну с Парфией.

По мере приближения к Сирии все горячее становилась, казалось, угасшая любовь к Клеопатре, и Антоний не мог не увидеться с ней. Он поручил одному из своих приближенных привезти Клеопатру в Сирию, где сделал ей предложение и милый свадебный подарок: Кипр, часть Сирии, Киликии, Иудеи и Набатеysкой Аравии⁶. Двойняшек – Александра Гелиоса и Клеопатру Селену, рожденных от него царицей, Антоний признал своими детьми.

Отправив Клеопатру в Египет, Марк Антоний пошел на парфян. Кампания оказалась неудачной из-за поспешности полководца, которому не терпелось вернуться к египтянке. Формально римляне не проиграли ни одной битвы, но ничего не смогли и выиграть. Им пришлось отступить ни с чем, и отступление оказалось долгим и тяжким: в походе погибли 32 тысячи человек, в основном из-за болезней и голода. Завершив свой бесславный поход, Антоний не вернулся в Рим, а направился к Клеопатре.

В 33 г. до н. э. он собрался вступить в новую войну с парфянами, и, чтобы поддержать мужа, к нему собралась ехать Октавия. Ее брат Октавиан решил, что поездка может стать удобным поводом к войне, ведь Марк Антоний, скорее всего, окажет его сестре оскорбительный прием. По пути к мужу Октавия получила письмо, в котором Антоний просил ждать его возвращения в Греции. Она понимала, что он стремится отделаться от нее. Тем не менее, написала ответ, в котором спрашивала, куда направить войска (две тысячи великолепных воинов) и груз, который был при ней – вьючные животные, деньги, одежда для солдат, подарки для полководцев. Пока Антоний развлекался, Октавия просчитывала стратегию и тактику ведения войны с Парфией.

Узнав о планах Октавии, Клеопатра испугалась потери влияния на Антония и начала всеми способами демонстрировать ему свою любовь. Она прибегала к всевозможным уловкам: практически ничего не ела, чтобы выглядеть истощенной, плакала «украдкой», но так, чтобы Антоний непременно заметил. Ее страдания удивительным образом совпали с предполагаемым сроком похода Антония и его нового союзника, царя Мидии, на парфян. Однако, испугавшись, что Клеопатра умрет, Антоний отложил войну и отправился к ней в Александрию.

⁶ *Набатейя* — государство на территории современной Иордании, завоеванное Римом.

Тем временем Октавия вернулась в Рим. Октавиан, оскорбленный выходкой Антония, просил сестру покинуть дом ее мужа, но она отказалась, продолжая жить там и воспитывать детей, причем не только своих, но и приемных, от брака Антония и Фульвии. Более того, Октавия пыталась уговорить брата не начинать войну с Антонием; она тепло принимала друзей мужа, при необходимости ходатайствовала за них перед братом. Ее поведение вызвало волну возмущения римлян, которые не могли простить Антонию черную неблагодарность по отношению к жене. Он между тем устроил в Александрии пышную церемонию раздела земель между Клеопатрой и ее детьми, что вызвало очередную волну недовольства, старательно поддержанную Октавианом.

Антоний стал готовиться к войне и собирался отправить Клеопатру в Египет. Она же, опасаясь, что Октавия вновь примирит соперников, подкупила одного из советников, который убедил Антония в том, что царица должна принимать участие в походе. В результате, пока войско готовилось к войне, Антоний и Клеопатра отправились развлекаться на остров Самос, где собрали громадное количество актеров и музыкантов. Там собрались все цари, которые должны были принять участие в грядущей войне, а пока соревновались в пышности пиров и подношений. Желая угодить Клеопатре, Антоний послал в Рим своих людей с приказом выгнать Октавию из дому. По легенде, Октавия, покидая дом, сокрушалась, что стала одной из виновниц грядущей войны.

Несмотря на непрекращающиеся кутежи, Антонию удалось собрать грандиозное войско, значительно превосходившее армию Октавиана. Тот отставал в приготовлениях и был вынужден ввести неслыханные дотоле налоги. Однако Антония подвела праздность – если бы он выступил против Октавиана летом 32 г. до н. э., то не оставил бы ему шансов на победу. Но Антоний продолжал наслаждаться жизнью, считая, что ему некуда спешить.

Тем временем, под давлением Октавиана сенат принял два решения: объявить войну Клеопатре и лишить Антония властных полномочий.

К тому моменту под началом Антония находилось около пятисот боевых кораблей, на которых, правда, не хватало матросов: начальники триер ловили случайных прохожих по всей Греции, пытаясь пополнить ими корабельные команды (из-за нехватки гребцов Антоний даже приказал сжечь все египетские корабли, кроме шестидесяти лучших). Морские баталии для армии Антония были в новинку. Флотилия Октавиана была вдвое меньше, но его корабли были полностью укомплектованы гребцами, а команды имели опыт ведения войны на море.

Что до сухопутных войск, то у Октавиана было восемьдесят тысяч пехотинцев и двадцать тысяч всадников, у Антония – сто тысяч пехоты и двадцать тысяч кавалерии. Октавиан, страшась сражения на суше, вызвал его на морскую битву. В ответ Антоний предложил поединок, несмотря на то что был значительно старше. Поединок не состоялся.

Все говорило о том, что Антонию следует искать сражения на суше, но в угоду Клеопатре он решил добиться победы в морском сражении, что было, по меньшей мере, неразумно. Советники отговаривали его от морской битвы, но Клеопатра взяла верх.

Плохая погода в течение нескольких дней не давала возможности выйти в море, но 2 сентября 31 г. до н. э. наступил штиль и у мыса Акции (Акциум, Акий) началась битва. Долгое время вражеские флотилии не предпринимали никаких действий, но около полудня людям Антония наскучило ожидание и, полагаясь на размер своих кораблей, левое крыло пошло в наступление. Баталия началась.

И тут, в самый напряженный момент битвы, когда невозможно было предсказать ее исход, шестидесять египетских кораблей под началом Клеопатры подняли паруса и обратились в бегство. Но даже в этой ситуации положение можно было исправить, однако действия Антония свидетельствуют о том, что страсть к египтянке лишила его остатков здравого смысла. Вместо того чтобы продолжать битву на море или, используя свои все еще громадные войска,

дать битву на суше, он устремился следом за своей возлюбленной, бросив сражавшихся за него людей на произвол судьбы.

Любовь воинов к Антонию была настолько сильна, что даже те, кто видел его бегство собственными глазами, отказывались верить увиденному. Оставшиеся на берегу (девятнадцать легионов и двенадцать тысяч всадников) еще семь дней хранили верность своему императору, веря, что он вот-вот даст о себе знать, а потом перешли на сторону противника. Поражение Антония было очевидно.

Догнав корабль Клеопатры, Антоний поднялся на борт. Переполняемый стыдом и гневом на царицу, он не захотел даже увидеться с ней, а сел на носу корабля и провел там три дня:

...О! Сгорю я со стыда,
Взглянув на ту, за кем вослед пустился.
И волосы мои в междоусобье:
Седые выговаривают черным
За безрассудство; черные – седым
За трусость и влюбленность...

Только на четвертый день Антоний заговорил с Клеопатрой, а после разделил с ней стол и ложе. Прибыв в африканский город Паретонию, он отправил царицу в Египет, а сам целыми днями бесцельно бродил по городу: африканские войска Антония тоже перешли на сторону Октавиана. Он был раздавлен и хотел лишиться себя жизни, но его удержали друзья, отправив в Александрию к Клеопатре.

Царица тем временем готовила бегство, собираясь нагрузить корабли сокровищами, перетащить их волоком в Красное море и искать убежище в далеких от Рима странах. Однако перемещению кораблей воспротивились арабские племена, и потом, оставалась надежда, что Антонию хранят верность сухопутные войска при Акцииуме. Поэтому она решила повременить с бегством.

Антоний предавался печали. Он велел протянуть от Фароса в море длинную дамбу, на которой в одиночестве лелеял свое горе, не заботясь о судьбе войска. Получив известие о потере войска, Антоний вернулся в город и запер. «Союз неподражаемых» уступил место «Союзу смертников», состоявшему из друзей Антония, которые решили принять смерть вместе с ним. Последние дни жизни они посвятили празднествам. Клеопатра тоже стала готовиться к смерти, собирая всевозможные яды и испытывая их действие на приговоренных к смерти преступниках и рабах.

Антоний и Клеопатра надеялись спастись и отправили к Октавиану послов. Антоний просил дать ему возможность прожить остаток дней в качестве частного лица в Египте или, на худой конец, в Афинах. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям. Октавиан ответил, что поступит с Клеопатрой великодушно, если она изгонит или умертвит Антония. Этот ответ вкупе с ее долгой беседой с посланником Октавиана возбудил подозрения Антония. Чтобы развеять их, царица старалась во всем угождать римлянину.

Тем временем дела призвали Октавиана в Рим. Поход был отложен до весны 30 г. до н. э., когда его войска двинулись на Египет через Сирию и Африку. Клеопатра велела перенести царские сокровища в усыпальницу и сложить там паклю и смолистые щепки, чтобы иметь возможность уничтожить богатства. Обеспокоенный судьбой сокровищ, Октавиан стал посылать Клеопатре письма, выражающие дружелюбные намерения, одновременно накапливая силы для решающего сражения с Антонием.

В битве под Александрией Антоний храбро сражался, и его войска обратили в бегство конницу Октавиана. Вернувшись во дворец, он представил Клеопатре отличившегося воина.

Царица наградила храбреца золотыми доспехами, а ночью перешла на сторону Октавиана (ее солдаты понимали, что борьба с превосходящими силами противника безнадежна).

Антоний вновь вызвал Октавиана на поединок, но тот ответил, что к смерти ведет много дорог. Антоний стал искать ее в сражениях. За обедом он просил рабов наливать ему побольше вина и давать куски повкуснее, так как не знал, будут ли они служить ему завтра. Другьям Антоний сказал, что не ведет их за собой в битву, ибо ищет не победы, а славной смерти.

По легенде, в ночь перед последним сражением тишину нарушила музыка, крики, топот, будто по улице двигалась свита Диониса. Призрачная толпа прошла через центр города и двинулась в сторону войск Октавиана, где шум смолк. Знамение толковали так: Антония покинул его бог.

Утром Антоний построил войска для обороны города и стал наблюдать, как его корабли выходят навстречу неприятельскому флоту. Как только флотилии сблизились, моряки Антония подняли весла, приветствуя суда Октавиана, и присоединились к врагу. Не лучше обстояли дела и на суше: конница перешла на сторону противника, а пехота потерпела поражение. Антоний понял, что Клеопатра предала его, и направился к ней.

В страхе перед гневом Антония царица заперлась в усыпальнице и приказала слугам сообщить ему о своей смерти. Это известие ошеломило Антония. «Что же ты медлишь, Антоний? – воскликнул он. – Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Войдя в спальню, он продолжал: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобой меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!»

Когда-то Антоний взял со своего раба Эрота обещание, что тот убьет хозяина в случае надобности. Раб взял в руки меч, но не смог заколоть Антония и нанес смертельный удар себе. Со словами: «Спасибо, Эрот, что учишь меня, как быть, раз уж сам не можешь исполнить, что требуется», – Антоний вонзил меч себе в живот. Удар оказался несмертельным, и он пришел в себя, умоляя о смерти. Но все разбежались, оставив своего предводителя умирать в муках.

Вскоре явился посланец Клеопатры, чтобы доставить Антония к ней в усыпальницу. Узнав, что царица жива, Антоний велел нести себя к ней. Дверь усыпальницы, где кроме нее находились только ее служанки Ирада и Хармион, Клеопатра не открыла, опасаясь предательства слуг. Царица и ее помощницы сбросили из окна веревки, которыми слуги обвязали Антония, и втянули его наверх. Невозможно представить себе более трагичное зрелище: залитый кровью, борющийся со смертью Антоний беспомощно висел в воздухе, простирая руки к Клеопатре.

Когда он оказался наверху, Клеопатра уложила его на ложе и, разорвав на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями. Лицом она вытирала кровь с раны Антония, называя его своим господином, супругом и императором. Антоний попросил вина, то ли потому, что хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его кончину. Напившись, он стал уговаривать Клеопатру подумать о спасении, если при этом удастся избежать позора. Его же, Антония, горькую судьбу велел не оплакивать, ведь в ней было много прекрасного, и он счастлив, поскольку был знаменитейшим из людей, обладал могуществом, равного которому не было в мире, и погиб славной смертью римлянина, побежденного римлянином. С этими словами Антоний умер.

... Не надо сокрушаться о плачевном
Моем конце. Пускай тебя утешат
Воспоминанья о счастливых днях,
Когда прославленнейшим, величайшим
Я был среди властителей земных.
Я умираю не позорной смертью.
Я не склонился, сняв трусливо шлем,

Пред соплеменником победоносным,
Но принял смерть как римлянин, который
Был римлянином честно побежден...

В тот момент, когда раненого несли к Клеопатре, его телохранитель подобрал меч Антония и побежал к Октавиану, чтобы сообщить о смерти врага. Увидев окровавленный меч и услышав о случившемся, Октавиан стал оплакивать смерть своего бывшего соправителя и товарища:

...Увы, Антоний,
Вот до чего ты мною доведен!
Но что же делать, если нам
На теле собственном пришлось вскрывать нарывы?
Двоим нам было тесно во вселенной.
И все ж позволь оплакать мне тебя
Тяжелыми слезами, кровью сердца...

Пригласив друзей, он стал читать им свою переписку с Антонием:

...Я покажу вам письма, по которым
Вы сможете судить, как был я сдержан,
Как миролюбив, и убедитесь,
Что я неволью втянут был в войну...

Непонятно, насколько искренен был Октавиан – возможно, он просто хотел снять с себя вину за смерть соперника, а может, подражал Цезарю, который никогда не радовался смерти врагов, если те были римлянами. Во всяком случае, он сразу же отправил к Клеопатре своего человека. Победителя волновала судьба сокровищ царицы, а кроме того, он хотел представить ее как свой трофей в триумфальном шествии в Риме.

Октавиан разрешил Клеопатре похоронить Антония, и она воздала своему возлюбленному царские почести.

И еще несколько слов о детях Антония. От брака с Фульвией у него было два сына, Антулл и Антоний. Антулла по приказу Октавиана казнили, дабы он не мог претендовать на наследство отца. Мальчика выдал его дядя Феодор, который похитил с шеи убитого драгоценный камень, когда Антулле отрубили голову. Впрочем, справедливость по-римски восторжествовала: Феодор был распят.

Остальных отпрысков триумвира взяла к себе на воспитание его жена Октавия, проявив редкое для любых времен благородство. Она даже выдала замуж за второго сына, Антония, собственную дочь от первого брака и возвысила его так, что он стал третьим лицом при Октавиане Августе. Клеопатру Селену, дочь царицы Египта и Антония, она выдала замуж за царя Нумидии, названного Плутархом самым ученым из царей.

Но наибольшую известность (хотя в ряде случаев печальную) получили потомки дочерей Антония и Октавии; среди них следует назвать полководца Германика, императоров Гая Калигулу, Клавдия и Нерона.

БАШЛАЧЕВ АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

(род. в 1960 г. – ум. в 1988 г.)

«...По шершавому бетону
на коленях вниз
Разлететься, разогнаться – высота,
карниз».

Янка Дягилева

«...Если нам не отлили колокол,
Значит, здесь – время колокольчиков!»

Александр Башлачев

1980-е годы – целая эпоха в развитии отечественной музыки. Именно тогда сформировался и достиг своего апогея «русский рок» – совершенно особое явление в мировой культуре. 80-е были невероятно трудным, но фантастически плодотворным временем существования отечественной рок-музыки – эпохой подпольных квартирных концертов, безденежья, травли со стороны властей, запретов на публичные выступления. Вообще, самый главный факт истории русского рока – это его полное официальное непризнание, чем рокеры (и музыканты, и «сочувствующие») весьма гордились. Более того, именно противодействие официально разрешенным формам досуга стало причиной расцвета контркультуры, нового «народного» творчества, существующей в противовес вокально-инструментальным коллективам, лубочным ансамблям

народной песни и пляски и официозной эстраде с ее идеологически выдержанным репертуаром.

Казалось бы, 80-е годы были не так уж давно, но они уже овеяны легендами. Более того, у них даже есть собственное название – «время колокольчиков», которое, правда, закрепилось позже. А тогда так называлась знаменитая на весь Советский Союз песня Александра Башлачева, ранняя смерть которого стала одной из самых больших утрат русской поэзии XX века. Сегодня это имя редко где услышишь, а когда-то его песни знал весь Советский Союз.

В середине 80-х, когда советская цензура переживала свой очередной «золотой век», путь в официальную литературу для Башлачева был закрыт наглухо. В Центральный дом литераторов не пускали, если у тебя колокольчики на шее (да при этом еще и волосы длинные). А на рок-сцену – пожалуйста. И в театр на Таганке пускали: бери гитару и пой, если есть что сказать людям. Он так и делал, этот парень из пролетарского Череповца, поэтический гений с поразительным языковым чутьем. Интересно, что манера написания стихов была у него такой же, как у Осипа Мандельштама: сначала он пропускал по одному слову в каждой строчке, придумывая и вставляя их в текст позже.

Очень многие считали его знаменитым ленинградским рок-музыкантом, родившимся в Череповце, хотя на самом деле Александр – череповецкий рок-музыкант и поэт, погибший в Ленинграде. Двадцать четыре года из двадцати восьми, отпущенных ему судьбой, Александр жил в Череповце, учился в школе, влюблялся, писал стихи, работал корреспондентом и был, по сути, одним из 300 тысяч горожан. Так продолжалось до тех пор, пока его песни совершенно случайно не услышал музыкальный критик и знаток рока Артем Троицкий.

За короткий промежуток времени Башлачев создал более шестидесяти песен, принадлежащих его «золотому запасу». Хотя на формирование его стиля и поэтического языка, без сомнений, повлияли Высоцкий и Галич, Гребенщиков и Науменко, поэтические эксперименты начала века и древнерусская эпическая поэзия, Башлачев создал свой собственный художественный мир.

В своих песнях он обратился к древнейшим славянским традициям, приметам и мифам и через какие-то неясные, туманные, но почему-то до боли знакомые нам образы передал всю мощь и силу славянства. У Башлачева не было всенародной популярности, его не показывали по телевизору и не приглашали выступать на стадионах. Обычно его надрывный голос звучал в прокуренных квартирах и маленьких залах местных Домов культуры. Его сравнивали с Джимом Моррисоном, обладавшим удивительным магическим даром завораживать слушателей, ведь концерты Александра Башлачева часто напоминали гипнотический сеанс.

При жизни советские газеты не написали о нем ни строчки, но сразу после его смерти ситуация изменилась и начали появляться высказывания следующего характера: «Он стал одним из наиболее значительных явлений в отечественной рок-музыке. В его многослойных, полных неожиданных ассоциаций, парадоксального юмора и виртуозной игры словами, смелых рифм и сложных размеров стихах-песнях причудливо переплелись архаика и современность, былинные сюжеты и реалии рок-бытия, высокая трагедия и откровенное скоморошество».

В сухом изложении творческая биография Александра Башлачева, титулованного после смерти родоначальником русского национального рока, выглядит так.

Александр Николаевич Башлачев родился 27 мая 1960 г. в Череповце Вологодской области. Его отец, Башлачев Николай Алексеевич, работал начальником участка на Череповецком металлургическом заводе в теплосиловом цехе, мать, Башлачева Нелли Николаевна, – преподавателем химии в школе рабочей молодежи № 4.

С 1967 по 1977 год Александр учился в средней школе города Череповца. В 1977 г. пошел работать на Череповецкий металлургический комбинат художником, а в 1978-м поступил в Уральский государственный университет (Свердловск) на факультет журналистики. Во время

учебы писал тексты для череповецкой группы «Рок-Сентябрь». В 1983 г. появляются первые известные песни, в частности «Грибоедовский вальс» – одно из первых спетых им сочинений.

В этом же году Башлачев закончил учебу в университете и вернулся домой, где устроился журналистом в газету «Коммунист». В мае 1984 г. он посетил питерский рок-фестиваль, где, по слухам, купил себе гитару. В сентябре этого же года на квартире у своего друга Леонида Парфенова (ныне известного тележурналиста) познакомился с опальным в ту пору музыкальным критиком Артемием (тогда еще Артемом) Троицким и показал ему свои песни. Троицкого очень заинтересовало творчество Башлачева, и он пригласил его сначала в Москву, а потом в Питер, где организовал несколько квартирных концертов.

Вскоре Саша купил билет на поезд «Череповец – Ленинград» и распрощался со своим маленьким городом навсегда. Он отказался от карьеры в журналистике, от беззаботной жизни с родителями. В Петербурге Башлачеву понравилось, и он решил остаться: «В Москве можно жить, а в Ленинграде стоит жить!»

А было это как раз в разгар правления Ю. Андропова. Летом 1983 г. начались массовые аресты рок-музыкантов. Первыми стали Арутюнов и Алексей Романов из «Воскресенья», которому в тюрьме так отбили ухо, что на какое-то время он потерял слух. Запретили печатать Артемия Троицкого. Юрию Шевчуку сломали два ребра. В марте 1984 г. «взяли» Жанну Агузарову. Летом следующего года множество людей были арестованы «за нетрудовые доходы».

В 1984 г. Башлачев устроился на работу в знаменитую питерскую котельную «Камчатка», через которую прошли многие музыканты. Туда же приезжали любители альтернативной музыки, а также иностранцы – послушать «русский рок». Именно в стенах «Камчатки» кто-то придумал ему прозвище СашБаш.

В марте 1985 г. в зале медицинского училища состоялось первое публичное выступление, где он вместе с Юрием Шевчуком спел несколько песен на неофициальном концерте. В 1995 г. эти песни будут изданы фирмой «Manchester Files» на совместном альбоме под названием «Кочегарка». В 1985 г. Александр Башлачев записал альбом «Третья столица» (по словам Александра, первые две столицы – Москва и Питер, а третья – самая главная – вся Россия).

Январь 1986 г. стал для него необычайно активным концертным месяцем, в течение которого были произведены две записи, впоследствии рассматриваемые издателями как студийные – запись в домашней студии А. Агеева и запись концерта в Театре на Таганке. В апреле 1986-го в домашней студии А. Липницкого был записан альбом «Вечный Пост», оригинал которого Башлачев затер в октябре того же года, а в мае была написана последняя из сохранившихся песен – «Вишня».

Весной 1986 г. Александр случайно (впрочем, как всегда бывает, когда речь идет о судьбе) познакомился с Настей Рахлиной, с которой не расставался до самой своей смерти. Они жили без денег, без прописки, без крыши над головой. Сейчас довольно трудно представить себе, что это такое «жить без прописки»... Хотя, пожалуй, аналог есть: жизнь «без регистрации» в тех же Москве или Санкт-Петербурге – полулегальное положение, невозможность найти постоянную работу, всевозможные ухищрения, чтобы не встретиться с милицией.

Настя, коренная тулячка, оформила временную прописку в московском общежитии как студентка. Саша фиктивно женился на некоей Жене Каменецкой из Питера – тоже ради прописки.

Иногда друзья пускали переночевать к себе влюбленную пару. Если везло, они получали ключи на две-три недели. Настя никак не могла устроиться на работу. Башлачев все реже и реже давал концерты и совсем перестал писать стихи. У него участились приступы депрессии. «Что-то произошло, – недоумевал он. – Я потерял творческий дар».

В середине 1986 г. Саша перебрался в Москву, поближе к Насте, и следующие два года были для них очень тяжелыми. В Москве Башлачев кормился исключительно квартирными

концертами, а когда совсем не было денег, ходил по окрестным подъездам, собирал бутылки, покупая на вырученные деньги еду.

В начале 1987 г. он дал несколько квартирных концертов, а весной начал сниматься в документальном фильме А. Учителя «Рок». Неожиданно для всех в процессе съемок Башлачев отказался от своей роли, а из фильма были вырезаны все кадры с его участием.

С 3 по 7 июня в Питере проходил пятый рок-фестиваль, где Александру вручили приз «Надежда».

Артемий Троицкий вспоминал: «В 1987 г. мы встретились с Башлачевым на питерском рок-фестивале, и я спросил, есть ли что-то новенькое. Он ответил, что как-то не пишется, а потом стал рассказывать странные вещи. Говорил, что в конце 1986 г. попал в «черную компанию», связанную с наркотиками. Причем там ставили своего рода эксперименты с наркотиками, дело доходило до суицида. А к смерти он был готов всегда. Последние два года он балансировал на тонкой грани. Он часто говорил о смерти – и почти все его последние песни были о смерти».

Потом Башлачев появился на фестивале в подмосковной Черноголовке, принял участие в работе над фильмом Петра Солдатенкова «Барды проходных дворов» (в прокате шел под названием «Игра с неизвестным»), однако по неясным причинам в последний момент снова отказался сниматься. В августе поэт написал свою последнюю песню, которая не сохранилась. Предпринятая тогда же попытка профессионально записать Башлачева для пластинки на ленинградском отделении «Мелодии» тоже не удалась.

В последний год своей жизни Александр явно испытывал внутренний кризис: не мог писать, на него накатывали приступы депрессии, совершил несколько попыток самоубийства, причем одну – накануне пятого рок-фестиваля. В течение последнего года Башлачев редко бывал трезвым (и это притом, что он пьянел буквально от стакана вина).

В ноябре 1987 г. Настя забеременела, причем и она, и Александр были уверены, что у них будет мальчик. Сразу всплыли три имени из башлачевских песен: Ваня («Ванюша»), Степан («Грибоедовский вальс») и Егор («Егоркина былина»). Выбор пал на последнее. Егор родился через полгода после смерти отца. Многие знакомые Александра были удивлены, узнав, что у Башлачева была гражданская жена, а позже появился и сын.

В начале 1988 г. в настроении Башлачева, казалось, наступил просвет: он дал несколько концертов в Москве и запланировал свои новые выступления. Последним был концерт на квартире Марины Тимашевой 29 января.

3 февраля Башлачеву надо было ехать в Ленинград, чтобы получить зарплату в кочегарке, где он по-прежнему числился, и решить накопившиеся проблемы. Остановился он у фиктивной жены Жени Каменецкой.

Вечером 16 февраля на ее квартире состоялась бурная вечеринка с огромным количеством вина. Саша в тот вечер не пил: утром они собирались с Женей и ее молодым человеком пойти в баню. Ночью он позвонил в Москву, Насте, она очень обрадовалась этому звонку, щебетала без умолку. Саша молчал. За весь разговор он сказал только одну фразу: «Нюсенька, береги дитя!» Саша положил трубку и завел будильник на 10 утра.

Проснувшись, он не смог разбудить остальных: «Ты что, с ума сошел: какая баня в такую рань! Голова еще трещит». Никто не знал, сколько прошло времени, просто в какой-то момент Женю Каменецкую как будто подбросило. Она выбежала на кухню. Окно было распахнуто настежь. Дату на настенном календаре – 17 февраля 1988 г. – кто-то обвел черным фломастером. Через несколько минут в дверь позвонили. «Не у вас из окна человек упал?...» – осторожно осведомился мужчина с погонами.

Смерть Башлачева долго мусолили в околomuзыкальных кругах. Одни приписывали ему шизофрению, другие – увлечение алкоголем, третьи – наркотики. Очевидно одно: решение это было принято не под влиянием момента, а стало результатом мучительного выбора. По

свидетельству друзей, в последние месяцы Александр почти все время говорил о смерти, а точнее, о способах самоубийства. Казалось, он выбирает, как ему эстетичнее уйти из жизни. Без крови и грязи...

Его похоронили на Ковалевском кладбище в Ленинграде.

Через полгода после смерти Александра Настя отправилась рожать сына к его родителям в Череповец. Полгода она провела в Череповце с Сашиним отцом, матерью и его младшей сестрой Леной. Замуж Настя так и не вышла.

В 1991 г. петербургское издательство «Новый Геликон» выпустило единственное на данный момент собрание песен и стихов Башлачева «Посошок». Начиная с 1989 г., вышло более двух десятков пластинок, кассет и компакт-дисков с его записями.

Сейчас его поступок уже не выглядит таким логичным, хотя ранний уход поэтов и по сей день не кажется чем-то противоестественным – очень уж много примеров, когда талант погибал в самом расцвете творческих сил. Бытует даже мнение, что настоящий художник предпочтет яркую жизнь и раннюю смерть, чем долголетие и постепенное угасание таланта. Возможно, в этом высказывании есть доля правды, но оно больше похоже на попытку сгладить боль утраты и примириться с ней, чем на утверждение окончательной истины.

БРУТ МАРК ЮНИЙ

(род. в 85 г. до н. э. – ум. в 42 г. до н. э.)

«Полно раздумывать,
Так решено уж.
Судьбы не избегнуть,
Коль в путь я собрался».

Гуннар, «Песнь о Нибелунгах»

«Во время политических кризисов наибольшая трудность для честного человека состоит не в том, чтобы исполнять свой долг, а в том, чтобы знать его».

Л. Бональд

Сегодня имя Марка Юния Брута ассоциируется у нас с предательством и черной неблагодарностью. Еще бы – ведь он стал убийцей человека, вознесшего его на вершину власти и сделавшего своим ближайшим другом. Фраза «И ты, Брут» стала крылатой. Однако если рассмотреть его судьбу беспристрастно, то окажется, что такая оценка как минимум спорна.

Брут родился в 85 г. до н. э. Предком нашего героя был Луций Юний Брут, который, согласно легенде, изгнал из Рима последнего из царей, Тарквиния Гордого. Так что ненависть к единовластию была у Марка Юния Брута в крови.

Кроме того, Катон Младший, погибший из-за Юлия Цезаря, приходился Бруту дядей, а впоследствии и тестем. С самого детства Брут старался во всем походить на своего дядю:

он получил отличное образование, прекрасно разбирался в философии, великолепно владел греческим языком.

Отец Брута, Марк Юний Брут Старший, участвовал в восстании против диктатора Суллы, которое было подавлено Помпеем, а Марк Юний Брут Старший казнен. Брут возненавидел Помпея как убийцу отца, никогда не разговаривал и не здоровался с ним. Именно поэтому, когда первый триумvirат распался, все ожидали, что он примет сторону Цезаря. Но Брут не стал руководствоваться личными мотивами и, считая, как и Катон, что справедливость на стороне Помпея, присоединился к нему.

Перед началом Фарсальской битвы Цезарь дал приказание всем начальникам легионов не убивать Брута, а доставить к нему живым. Более того, если он откажется сдаться в плен – отпустить, не причиняя вреда. Надо заметить, что подобное отношение совершенно не означало, будто Цезарь питает уважение к высоким моральным качествам Брута. По всей видимости, существует иное объяснение: когда-то Цезарь был более чем близок с матерью Брута и вполне мог считать его своим сыном.

По окончании Фарсальской битвы Брут спасся от преследователей, спрятавшись в зарослях камыша на болоте, а ночью, добравшись до города Ларисса, написал Цезарю. Тот пригласил его к себе и не только простил, но и сделал одним из ближайших друзей. По просьбе Брута Цезарь простил и Кассия, бывшего сторонником Помпея.

В 47 г. до н. э., отправляясь в Африку для борьбы с Катоном и Сципионом, Цезарь назначил Брута правителем Пред альпийской Галлии, и тот блестяще справился с возложенными на него обязанностями. Его управление отличалось мягкостью, разумностью и тем, что он не пытался использовать власть для личного обогащения. Вернувшийся из Африки Цезарь был очень доволен своим ставленником.

В 44 г. до н. э. Брут и Кассий с подачи Цезаря были назначены преторами. Пользуясь расположением Цезаря, Брут фактически мог стать вторым, а со временем – и первым человеком в государстве. Причем для этого ему не надо было становиться заговорщиком; достаточно было дожидаться, пока Цезарь уйдет на покой или умрет. Но Брута, как и многих аристократов, возмущала сама идея единовластия, а потому он – из идейных соображений – решил принять участие в заговоре.

Первоначально организатором и вдохновителем заговора был Кассий, а Брут долго хранил Цезарю верность, помня о его добром отношении. Однако сторонники республики, не желавшие мириться с единовластием Цезаря, активно подстрекали Брута вступить на путь борьбы с тираном. На статуе Луция Юния Брута появлялись надписи: «О, если бы ты был сегодня с нами!», «Если бы жил Брут». Однажды судебское возвышение, на котором сидел Брут, исполняя свои обязанности, оказалось завалено записками: «Ты спишь, Брут?», «Ты не настоящий Брут!». Кроме того, многие друзья Кассия говорили, что готовы восстать против власти Цезаря, но только если их возглавит Брут.

Заговорщикам стало известно, что вскоре в сенат внесут предложение о предоставлении Цезарю царской власти. Кассий отправился к Бруту, сообщил об этом и спросил, собирается ли он присутствовать на этом заседании. Брут сказал, что не придет. «А что, если нас позовут?» – спросил Кассий. «Тогда долгом моим будет нарушить молчание и, защищая свободу, умереть за нее», – отвечал Брут. Тогда, поняв, что он на их стороне, Кассий произнес: «Но кто же из римлян останется равнодушным свидетелем твоей гибели? Разве ты не знаешь своей силы, Брут? Или ты думаешь, что твое судебское возвышение засыпают письмами ткачи и лавочники, а не первые люди Рима, которые от остальных преторов требуют раздач, зрелищ и гладиаторов, от тебя же – словно исполнения отеческого завета! – низвержения тирании? И сами готовы ради тебя на любую жертву, любую муку, если только и Брут покажет себя таким, каким они хотят его видеть?»

Так Брут оказался во главе заговора и привлек к общему делу еще нескольких преданных делу республики римлян. Некоторые заговорщики предлагали склонить на свою сторону и Марка Антония, но один из них сказал, что уже пытался, соблюдая предосторожности, говорить с Антонием о заговоре. Тот якобы Цезарю не донес, но и не высказал желания принять участие. Тогда возникло предложение убить вместе с Цезарем и Антония, однако против этого категорически возражал Брут. Было принято решение оставить Антония в живых. В то же время Антоний был известен своей физической силой, и заговорщики боялись, что если он бросится на защиту Цезаря, то вся затея провалится. Поэтому было решено, что перед покушением кто-то из заговорщиков должен будет задержать его перед входом в курию, когда Юлий уже зайдет внутрь.

На людях Брут старался хранить полное спокойствие, чтобы не выдать своих намерений, однако дома он не смог скрыть своих волнений и забот от жены Порции. Услышав от мужа о заговоре, она повела себя странно, но, без сомнения, мужественно – закрывшись в спальне, она сделала себе ножом глубокий надрез на бедре. Через некоторое время от потери крови у нее начались сильные боли и лихорадка, и Брут, который не знал о ее поступке, очень испугался за нее. Тогда Порция обратилась к нему с пламенной речью: «Я – дочь Катона, Брут, и вошла в твой дом не для того только, чтобы, словно наложница, разделять с тобой стол и постель, но чтобы участвовать во всех твоих радостях и печалях. Ты всегда был мне безупречным супругом, а я... чем доказать мне свою благодарность, если я не могу разделить с тобой сокровенную муку и заботу, требующую полного доверия? Я знаю, женскую натуру считают неспособной сохранить тайну. Но неужели, Брут, не оказывают никакого воздействия на характер доброе воспитание и достойное общество? А ведь я – дочь Катона и жена Брута! Но если прежде, вопреки всему этому, я полагалась на себя не до конца, то теперь узнала, что неподвластна и боли». После чего она показала мужу рану на бедре и рассказала об испытании, которому себя подвергла.

И вот настал роковой день заседания, знаменитые мартовские иды (так римляне называли пятнадцатый день марта, мая, июля, октября и тринадцатый день всех остальных месяцев). По легенде, прорицатель предупреждал Цезаря, что мартовские иды принесут ему смерть. В этот день по дороге в сенат живой и невредимый Цезарь встретил прорицателя и сказал насмешливо: «А ведь мартовские иды пришли!» Прорицатель ответил: «Пришли, но не прошли».

Втайне от всех, кроме жены, Брут опоясался кинжалом и пошел в помещение, где должно было состояться заседание. Остальные участники заговора пришли вместе с Кассием. Они сочли счастливым предзнаменованием то, что сенат собрался в одном из портиков, которые окружал построенный Помпеем театр. В портике находилась статуя Помпея – противника Цезаря, и это тоже было для них хорошим знаком.

Цезарь же, взволнованный встречей с прорицателем, дурными предчувствиями и дурными предзнаменованиями, напротив, долго не решался войти в сенат. Брут и некоторые другие заговорщики, скрывая волнение, исполняли свои повседневные обязанности и разбирали судебные дела. Брут, как обычно, выносил обдуманные и взвешенные решения, словно ничего больше в данный момент его не беспокоило.

Время шло. Цезарь не появлялся. И тут прибыл кто-то из домашних Брута с известием, что Порция умирает. Несмотря на это известие, он не покинул сенат, зная, что жена одобрила бы его решение. К счастью, оказалось, что Порция просто потеряла сознание от волнения и вскоре пришла в себя. Бруту же сообщили только о первом из событий.

В конце концов, поддавшись на уговоры еще одного заговорщика, Цезарь все же вошел в курию, Марка Антония, согласно уговору, отвлекли у входа в портик. Заговорщики окружили Цезаря плотным кольцом.

К нему обратился некто Туллий Кимвр с прошением помиловать находящегося в изгнании брата. Когда Цезарь отказал, Туллий сорвал с его плеч тогу, что было условным сигналом для начала нападения. Другой заговорщик, Каска, нанес Цезарю удар в плечо сзади. «Каска, злодей, да ты что?» – закричал Цезарь, но тут на него со всех сторон посыпались удары. Цезарь как мог отбивался от врагов, но, увидев среди нападавших Брута, прекратил сопротивление, натянул край тоги на голову и подставил тело под удары. Согласно легенде, он произнес свои знаменитые слова: «И ты, Брут» (по другим источникам, «И ты, дитя мое»), но доподлинно это не известно.

После похорон Цезаря заговорщикам пришлось покинуть Рим, ибо заговор не достиг своей цели. Да, Цезарь был убит, однако восстановить республику не удалось, и вскоре к власти пришел второй триумвират, в который вошли Марк Антоний, Октавиан Август и Ледип.

Заговорщики тем временем собрали целую армию, в чем им помогли города Греции, Малой Азии и Сирии, некоторые – добровольно, некоторые – по принуждению. В состав войска вошли также бывшие солдаты и военачальники Помпея. Что касается их противников Марка Антония и Октавиана, то они, в свою очередь, тоже собрали войско для борьбы с республиканцами.

Решающие битвы произошли в Македонии на Филиппийских полях через два с лишним года после убийства Цезаря. Никогда еще до этого такие большие силы римлян не сражались друг против друга. Противники выстроились таким образом: против Октавиана стоял со своими войсками Брут, а против Антония – Кассий.

Перед самой битвой между союзниками произошел следующий разговор. Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний в то же время имеют самый непредсказуемый исход, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидеться снова. Так скажи мне теперь, что ты думаешь о бегстве и смерти?» Брут ответил: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что выпало на твою долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Кассий улыбнулся, обнял Брута и произнес: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха перед победителями».

В первой битве при Филиппах (октябрь 42 г. до н. э.) окончательной победы не достиг никто. Воины Брута, даже не дождавшись команды, стремительно пошли на врага, обойдя его слева и захватив лагерь неприятеля. Октавиана, по его же собственным словам, спасло чудо: он не участвовал в битве, так как был болен и лежал в своей палатке, и во сне услышал голос, повелевший подняться и покинуть лагерь. Октавиан повиновался и не зря – почти сразу после этого лагерь захватил Брут.

А в это время на другом фланге Кассий и его военачальники растерялись из-за того, что солдаты Брута бросились в бой, не дождавшись приказа. Пока воины союзника, вместо того чтобы завершить окружение противника, грабили лагерь Октавиана, Кассий пребывал в нерешительности. За это время силы Антония зашли к нему в тыл и обратили в бегство сначала конницу, а затем и пехоту Кассия. Сам полководец мужественно сражался, но даже своим примером не смог остановить бегущих. Отступая, он с небольшой группой воинов поднялся на холм, где произошло недоразумение, стоившее Кассию жизни.

С холма Кассий увидел большой отряд всадников, скачущих в его сторону. Это были солдаты Брута, но Кассий по слабости зрения принял их за вражескую погоню и, чтобы пол-

ностью удостовериться в этом, послал на разведку своего приближенного. Среди всадников Брута оказались приятели посланника, и, узнав друга, они спрыгнули с коней и бросились его обнимать. Остальные всадники радостно потрясали оружием, звон которого близорукий Кассий принял за звуки схватки и уверился, что послал друга на смерть. Воскликнув: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватил дорогого нам человека!» – Кассий ушел в какую-то пустую палатку в сопровождении своего вольноотпущенника Пиндара, которого держал рядом как раз для такого случая. В палатке Кассий, накинув плащ на голову, подставил шею под меч вольноотпущенника. В это время посланник вернулся, чтобы обо всем доложить Кассию, и, узнав о смерти друга, закололся мечом, проклиная свою медлительность.

Брут возглавил оба войска, однако командиры и солдаты Кассия с неохотой подчинились новому полководцу и к тому же завидовали воинам Брута, отличившимся в первой битве.

Не лучшим было положение Октавиана и Антония: у них не было достаточного запаса продовольствия, лагерь находился в низине у болот (а дело было осенью). После первого сражения начались дожди, и без того влажная почва в лагере превратилась в жидкое месиво, палатки промокали, начались болезни. В довершение всех бед солидное подкрепление, плывшее по морю, было встречено флотом Брута и уничтожено. Узнав об этом, Октавиан и Антоний стали торопиться с битвой. К их счастью и на свою беду, Брут вовремя не узнал о победе на море, иначе он, располагая достаточным запасом продовольствия и выгодным положением для зимовки, не начал бы решающей битвы.

Вторая битва при Филиппах состоялась в середине ноября 42 г. до н. э. Опять войска под командованием Брута одержали временную победу, но на другом фланге военачальники все дальше и дальше растягивали войска, чтобы предотвратить их окружение. В конце концов, противник ударил в середину образовавшейся линии, и бывшие воины Кассия бросились в бегство, уже ставшее для них привычным. Враг зашел в тыл воинам Брута.

Брут, его солдаты и приближенные храбро сражались. В битве, не пожелав отступить ни на шаг, погиб сын Катона Младшего Марк Порций. Отвагу проявил друг Брута Луцилий. Когда войско уже побежало, он увидел, что отряд вражеской конницы упорно преследует Брута и его приближенных. Тогда, несколько отстав, Луцилий стал кричать преследователям, что он – Брут и хочет сдаться, при условии, что его доставят не к Октавиану, а к Антонию. Когда Луцилия доставили к Антонию, он смело сказал ему: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймают – судьба да не одержит такой победы над доблестью!.. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь и без возражений приму любую, самую жестокую кару за свой обман». Антоний, несмотря на разочарование, оказался на высоте, сказав солдатам: «...вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь вы искали врага, а привели нам друга. Что бы я сделал с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть всегда будут мне друзьями, а не врагами». Впоследствии Луцилий стал верным сторонником Антония.

Уже в темноте Брут вместе с небольшим количеством соратников переправился через неширокую речку с крутыми лесистыми берегами. Укрывшись в какой-то лощине, беглецы расположились на отдых. Опустившись на землю и подняв глаза к небу, Брут произнес строку из Еврипида: «Зевс, кару примет пусть виновник этих бед». Он принялся оплакивать погибших в битве друзей, называя каждого по имени.

Один из воинов Брута, Статилий, вызвался пойти на разведку и осмотреть лагерь. Оставалась надежда на то, что в сражении погибло не так много солдат и лагерь цел. Условились, что, если надежды оправдаются, Статилий зажжет факел и подаст сигнал. До лагеря разведчик добрался беспрепятственно и зажег факел, однако окончательно положение так и не выяснилось. Время шло, а Статилий все не возвращался. Брут говорил: «Если Статилий жив, он

непрерывно будет с нами». Но разведчик не вернулся назад. На обратном пути он наткнулся на врагов и был убит.

Уже глубокой ночью Брут наклонился к своему рабу, Клиту, что-то шепнул ему, и тот молча заплакал в ответ. Тогда Брут позвал щитоносца и стал его жарко убеждать в чем-то. В конце концов он стал обращаться ко всем спутникам с одной и той же просьбой: помочь ему пронзить себя мечом. Но никто не согласился оказать своему предводителю эту ужасную услугу, кто-то сказал, что нужно спастись бегством. На это Брут ответил: «Вот именно, бежать, и как можно скорее, но с помощью рук, а не ног». Попрощавшись с каждым из своих спутников, он сказал, что для него было огромным счастьем убедиться в искренности и преданности каждого из друзей. Брут говорил, что может упрекать судьбу только за жестокость к его отечеству, потому что сам он многократно счастливее своих победителей. Он оставляет после себя славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатствами не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, не подобает править государством. Затем Брут попросил всех друзей позаботиться о собственном спасении.

В сопровождении двоих или троих спутников, среди которых был и его давний друг Стратон, он отошел в сторону. По одной из версий, Брут попросил Стратона стать рядом с ним. Затем упер меч рукояткой в землю и, придерживая лезвие обеими руками, бросился на него. По второй версии, Стратон уступил горячим уговорам Брута и помог ему совершить задуманное. Он якобы держал меч, а Брут бросился на него с такой силой, что лезвие вышло из спины.

Жена Брута, Порция, тоже добровольно ушла из жизни. Но источники расходятся в сроках этого события, поэтому неизвестно, произошло оно до или после самоубийства Брута. Также до конца неизвестны и мотивы этого поступка. По свидетельствам одного из современников, Порция после смерти супруга решила покончить с собой, но ее друзья не только отказались помочь в осуществлении этого замысла, но и пристально следили за ней. Тогда она выхватила из огня уголь и проглотила его. Другие свидетели говорят, будто в одном из писем Брут упрекал своих друзей в том, что они не позаботились о его супруге. Заболев и не имея поддержки, она решилась на самоубийство.

Не только соратники, но и враги питали глубокое уважение к Бруту. Тело Брута Антоний велел похоронить с почестями, приказав завернуть его в самый дорогой из своих плащей. Один из вольноотпущенников Антония попытался похитить плащи и большую часть отведенных на похороны денег. Узнав об этом, Антоний приказал его казнить.

Октавиан тоже питал уважение к погибшему противнику, о чем свидетельствует такой случай. Однажды, уже через многие месяцы после описанных событий, он прибыл в Галлийский город Медиолан (нынешний Милан), где находилась бронзовая статуя Брута. Заметив ее, Октавиан сначала прошел мимо как ни в чем не бывало, но затем, созвав представителей города, заявил, что ему известно, будто Медиолан укрывает у себя его врага. Городские старейшины стали уверять Октавиана в своей невиновности. Тогда он указал на статую и спросил: «А вот этот, который здесь стоит, разве он нам не враг?» Медиоланцы в смущении умолкли, и тогда Октавиан улыбнулся и похвалил их за то, что и в беде они остались верными друзьями. Статую же велел оставить на прежнем месте.

БУССЕНАР ЛУИ АНРИ

(род. в 1847 г. – ум. в 1910 г.)

В конце концов, что такое смерть?

Смерть, дорогие товарищи, это самое интересное приключение, которое мы испытаем в жизни.

Аркадий Стругацкий

Луи Анри Буссенар, любимый писатель многих поколений мальчишек, певец романтических приключений и дальних странствий, автор приключенческих романов и неутомимый путешественник, родился 4 октября 1847 г. в Эскренне (департамент Луаре, Франция).

Получив медицинское образование, Луи Буссенар стал врачом (пожалуй, эта профессия дала миру больше писателей, чем любая другая, – достаточно вспомнить А. Чехова, М. Булгакова, А. Конан-Дойла), однако начать частную практику ему было не суждено. Здесь, по-видимому, уместно сделать вставку в духе творчества самого Буссенара, который (как и Жюль Верн) никогда не упускает «...случая просветить читателя: в самый напряженный момент они обрывают нить повествования и принимаются описывать ядовитое растение или туземное жилище» (Ж.-П. Сартр, «Слова»).

Итак, в день выпуска, 19 июля 1870 г., когда Луи и его товарищам вручали дипломы, Наполеон объявил войну Пруссии, стремясь помешать объединению Германии под ее началом и ослаблению влияния Франции в Европе. Надо сказать, что война закончилась для Франции поражением: в ходе военных действий было завершено объединение Германии под гегемонией Пруссии, возникла Германская империя; во Франции же империя, напротив, рухнула, а на ее обломках появилась Третья республика. 10 мая 1871 г. во Франкфурте был подписан мирный договор, по которому Франция передала Германии Эльзас и часть Лотарингии, а также выплатила огромную контрибуцию.

Из-за начавшейся войны Луи сразу же был мобилизован и отправился на фронт в качестве полкового лекаря. В одном из боев его легко ранило, и после излечения Буссенар вернулся в полк, где прослужил до окончания военных действий. Вместе с армией он пережил позор разгрома и капитуляции, а увиденное на войне сделало будущего писателя убежденным пацифистом (хотя действие многих его произведений разворачивается на фоне военных событий). Буссенар, понимавший чисто политическую подоплеку войны с Пруссией, позже писал, что единственным оправданием войны может быть защита Отечества, но никогда – порабощение другого народа.

Фронтные впечатления – помимо отвращения к армейским будням и войне как таковой – принесли с собой нежелание заниматься рутинной врачебной практикой. Луи Буссенар, будучи искателем приключений и убежденным пацифистом, был вынужден искать применение своим авантюрным наклонностям. И он нашел то, что искал, когда после демобилизации вернулся в Париж.

Навсегда оставив медицину, Буссенар стал постоянным сотрудником «Журнала путешествий» («Journal du Voyages»). Ему настолько понравилась работа в этом издании, что он оставался там до самой смерти, несмотря на выгодные предложения конкурентов. Журналистская деятельность пришлась Буссенару по душе, и он решил расширить рамки своего творчества и выйти за пределы журнального формата. Он стал профессиональным литератором, причем стилистика «Журнала путешествий» оказала значительное влияние на направленность и характер его творчества.

Буссенар, который начинал с написания познавательных статей об экзотических уголках планеты, сохранил верность этой традиции. В подавляющем большинстве его приключенческих романов и повестей авантюрная линия время от времени прерывается для того, чтобы познакомить читателя с флорой, фауной и обычаями местности, в которой разворачиваются события. Впрочем, стиль «занимательного учебника по всем предметам» был распространен в XIX веке – не было ни радио, ни телевидения, ни кино, и подобные книги заменяли их, давая богатую пищу воображению и уму читателя.

В 1877 г. вышел из печати первый роман писателя «Через Австралию. Десять миллионов Рыжего опоссума», который сразу принес ему бешеный успех. Действие романа происходит в малоисследованных областях Австралии. Главный герой книги, натуралист-любитель, присоединяется к искателям сокровищ, которые когда-то были зарыты братом главы экспедиции. Персонажи постоянно преодолевают трудности и выпутываются из сложных ситуаций, в промежутках между которыми главный герой делится своими познаниями в области животного и растительного мира Зеленого континента. Исследователи, правда, утверждают, что в этом и других романах Буссенара довольно много неточностей, но достоверность фактов с лихвой окупалась головокружительными приключениями и мужеством главных героев (в конце концов, мы же не требуем документальной точности от фильмов вроде «Тарзана»). «Им, – писал Буссенар, – нужна опасная борьба, захватывающие победы, незабываемые воспоминания». А какие названия у этих книг: «Адское ущелье», «Ледяной ад», «Похитители бриллиантов», «Приключения в стране львов»... И, разумеется, «Капитан Сорвиголова», без которого просто невозможно представить себе детство мальчишки.

Буссенар стал столь же модным, сколь и плодовитым писателем, и на волне успеха, в 1880 г. вышла его вторая книга – «Путешествия парижского гамена вокруг света». Гамен – это беспризорник, бродяга. Согласно общепринятым представлениям, он обладает недюжинной ловкостью, хитростью, изворотливостью и неприхотливостью, то есть всеми качествами, которые делают его идеальным героем приключенческого романа. Вообще, героями произведений Буссенара обычно становились молодые французы, выказывающие чудеса храбрости и сообразительности, а действие разворачивалось в отдаленных и малоизвестных странах.

Надо сказать, что в образ гамена Луи Буссенар вложил и свои черты страстного путешественника, стремящегося как можно больше узнать об окружающем мире. Поэтому, когда в 1880 г. Министерство народного просвещения предложило ему стать членом научной экспедиции во Французскую Гвиану (экваториальную колонию Франции в Южной Америке), он с восторгом согласился. Официальная цель экспедиции – проверка состояния медицины и здоровья населения в Гвиане.

Буссенар полностью использовал отпущенные ему возможности. За семь месяцев пребывания в стране он обошел ее вдоль и поперек. Ему довелось продирааться через дебри тропических лесов, встречаться с племенами, которые до него не видели белого человека, бороться с малярией и тропической лихорадкой.

В общем, вернувшись во Францию, писатель по горячим следам опубликовал в 1882 г. роман «Гвианские Робинзоны» (в русском переводе – «Беглецы в Гвиане»). Главный герой книги – политический заключенный, который бежит из тюрьмы (преодолевая массу препятствий и попутно предоставляя сведения о природе Гвианы), а потом, тайно вызвав из Европы свою семью и друзей, основывает поселение (снова преодоление трудностей мирной жизни и описание флоры и фауны). Колония процветает, все честно трудятся и пожидают плоды своих трудов.

После Гвианы Буссенар побывал в Австралии, во многих странах Америки и Африки, и все полученные впечатления были перенесены на бумагу. Так появились романы «Под Южным крестом» (1883), «Из Парижа в Бразилию» (1885), «Приключения в стране львов» (1886),

«Приключения в стране тигров» (1887), «Приключения в стране бизонов» (1887), «Горбунок» (1901) и другие.

Надо сказать, что литературная деятельность Буссенара не ограничивается приключенческой прозой, он пишет и фантастику. Его перу принадлежит дилогия (позднее экранизированная) «Тайна доктора Синтеза» (1887–1888) и «Десять тысяч лет в ледяной глыбе» (1890). Первый роман посвящен жизни доктора Синтеза в XIX веке, а второй – его же приключениям, но десять тысяч лет спустя.

В поздний период своего творчества Луи Буссенар от натуралистики и географии перешел к истории; теперь приключенческие романы содержали в себе общественно-политические и исторические сведения. В этот период появляются «Герои Малахова кургана» (1890; рассказ о Крымской войне 1854–1855 гг. глазами француза), «Подвиг санитарки» (в русском переводе получил название «С красным крестом»), «Пылающий остров» (1897; повествует о периоде восстания кубинцев против испанского господства).

Но, пожалуй, самым известным историко-приключенческим романом Луи Буссенара, которым больше ста лет зачитываются мальчишки, стал «Капитан Сорвиголова». Действие романа происходит в Южной Африке времен англо-бурской войны 1899–1902 гг., и Буссенар, выведя себя в качестве одного из персонажей, доктора Тронта, высказывает, в частности, ряд критических замечаний относительно колониальной политики европейских стран. Однако основная составляющая романа – приключения, опасные переделки, погони, трудности и, конечно же, счастливый конец и торжество справедливости.

Вообще, Луи Буссенар и по сей день считается одним из лучших писателей для юношества (собственно, это подтверждается его неувядающей популярностью у читающих семи-восьмиклассников). Его произведения написаны легким, образным языком, а их особенная привлекательность состоит в том, что автор делится личными впечатлениями, а не вычитанными из энциклопедии сведениями. Познавательная ценность его творчества оказалась настолько велика, что Французская академия наук готовилась торжественно отметить заслуги Буссенара как ученого-натуралиста. Церемония была запланирована на конец 1910 г., но она не состоялась – умерла жена писателя, а потом и он сам.

Буссенар крайне тяжело переживал смерть жены. Эта потеря серьезно отразилась на здоровье писателя, который все же не оставил литературной деятельности. В это время он вел активную переписку с санкт-петербургским книгоиздателем и редактором журнала «Природа и люди» П. И. Сойкиным по поводу перевода своих книг на русский язык. Работа была завершена уже после смерти писателя, и его наследие, изданное в России, составило сорок томов (это притом, что около двадцати романов не вошли в издание, а большая часть опубликованных произведений сокращена).

Несмотря на активную деятельность, Луи Буссенар чувствовал себя все хуже и хуже. И тогда он принял решение уйти из жизни добровольно – не мог путешественник, искатель приключений и романтический идеал многих людей поступить по-другому. Сцена ухода Буссенара из жизни соответствовала духу его произведений: ирония, бесстрашие и спокойствие перед лицом смерти, а также стремление найти необычный выход из сложившейся ситуации.

Луи Буссенар заморил себя голодом, а перед смертью разослал всем своим знакомым приглашение на собственные похороны. Он умер 11 сентября 1910 г. в Орлеане, столице родного ему Луаре.

ВАН ГОГ ВИНСЕНТ

(род. в 1853 г. – ум. в 1890 г.)

«Пускай меня простит Винсент Ван Гог
За то, что я помочь ему не мог,
За то, что я травы ему под ноги
Не постелил на выжженной дороге,
За то, что я не развязал шнурков
Его крестьянских пыльных башмаков,
За то, что в зной не дал ему напиться,
Не помешал в больнице застрелиться...»

Св. Арсений Тарковский

«Я заранее знал, что Ван Гог либо сойдет с ума, либо оставит всех нас далеко позади. Но я никогда не предполагал, что он сделает и то, и другое».

Св. Камиль Писарро

Далеко не каждый великий человек после смерти обзаводится мифом, особенно если он сам не старался этот миф создать. Винсент Ван Гог не стремился, он «всего лишь» искал и нашел свое предназначение – быть художником. А в итоге стал для нас не столько одним из величайших художников в истории человечества, сколько мифическим персонажем... И что

мы о нем знаем? Да почти ничего, кроме, пожалуй, двух-трех историй, ставших неотъемлемой частью мифа...

История первая. На протяжении десяти лет своего служения искусству Ван Гог жил в нищете, а после смерти его творения стали самыми дорогими в истории человечества произведениями искусства. Собрания картин и отдельными работами Ван Гога гордятся многие музеи мира и частные коллекционеры. Время от времени его полотна выставляют на престижных аукционах, причем часто их продажа сопровождается если не скандалом, то каким-нибудь таинственным происшествием. Например, в Японии на торги выставляется картина неизвестного автора. Стартовая цена – 80 долларов. За два дня до начала торгов начальную цену меняют, и в результате она уходит за... 550 тысяч. «Неизвестный художник» оказался Ван Гогом – эксперты вовремя определили автора. А бывает и по-другому: на знаменитых «Подсолнухах», проданных с молотка чуть ли не за 40 миллионов долларов, искусствоведы недосчитываются двух цветков. Винсент, видите ли, писал своему брату Тео, что принес домой 44 подсолнуха, а на картине всего 42. Провели экспертизу – подделка. И так далее, и тому подобное...

Во-вторых, он был болен – не то эпилепсией, не то шизофренией, не то прогрессивным параличом, – в общем, был ненормальным, как и все гении. Вот яркий пример: как-то Ван Гог захотел встретиться со своим любимым художником Жюлем Бретоном и прошел ради этой встречи 70 километров пешком. Однако, подойдя к дому художника, Винсент постеснялся войти и вернулся обратно. Тоже пешком. Опять же, как и положено настоящему гению, умер не в собственной постели, а застрелился. Причем в 37 лет – возрасте, критическом для гениев.

Ну и, в-третьих, конечно же, знаменитая история с ухом... Какая? Ну как же – к Ван Гогу приехал Гоген. Они много говорили об искусстве (за стаканчиком вина, разумеется), но вся обстановка провинциального городка Арль, где жил тогда Винсент, раздражала Гогена, и художники ссорились. И все бы закончилось благополучно, если бы Ван Гог не впал в помешательство. Вот что пишет сам Гоген: «...Винсент то был необычайно резок и буен, то снова становился молчалив. Несколько раз я с изумлением наблюдал, как Винсент ночью встает, подходит к моей кровати и стоит надо мной... Достаточно мне было строго сказать ему: «В чем дело, Винсент?» – как он, не говоря ни слова в ответ, отходил, ложился в постель и погружался в свинцовый сон... Вечером мы идем в кафе. Он берет себе стаканчик легкого абсента. И вдруг швыряет этот стакан с его содержимым мне в голову». На следующий вечер Гоген встретил Ван Гога на улице, и тот бросился к нему с раскрытой бритвой в руке. Гоген пристально посмотрел на него, и Ван Гог побежал прочь. Потом он отрезал себе кусок уха, положил его в конверт и отнес в бордель знакомой проститутке, девице Рашель. Его нашли в кровати, окровавленного и без памяти, и увезли в больницу...

Ах, если бы девица Рашель знала, чье отрезанное ухо досталось ей 23 декабря 1888 г., то, конечно, вняла бы совету безвестного художника «беречь это сокровище» и поместила бы его в формалин. И возможно, сейчас бы этот экспонат оценили на престижных аукционах подороже, чем даже «Портрет доктора Гаше», ушедший в 1990 г. в Нью-Йорке за рекордную цену – 82,5 миллиона долларов.

А с портретом тоже произошла любопытная история... На протяжении XX века он побывал в руках множества людей – от безвестной студентки из Франкфурта до Германа Геринга. Наконец, на аукционе в Нью-Йорке некий японский бизнесмен выложил за него астрономическую сумму, через три года попал в тюрьму и умер за решеткой. Что произошло с картиной дальше – неизвестно...

И таких историй – масса. А что кроется за ними, что находится за пределами мифа? Что, например, мы знаем о брате Винсента – Тео? Кто такой доктор Гаше? Почему Винсент добровольно ушел из жизни? И самое главное – почему Ван Гог вообще стал художником?

* * *

Винсент Ван Гог родился в деревне Гроот Зюндерт (Голландия) 30 марта 1853 г. в семье Теодора Ван Гога, пастора Голландской протестантской церкви, и Анны Корнелии Карбендус. О первых пятнадцати годах его жизни мало что известно, кроме того, что два года Ван Гог проучился в школе-интернате в деревне Зевенберген, потом еще два года в средней школе Короля Вильяма II, а в возрасте 15 лет окончательно оставил учебу.

И вот еще что – ровно за год до рождения Винсента, день в день, его мать родила другого ребенка, также названного Винсентом. Мальчик родился мертвым, и, возможно, художник тяжело переживал то, что был как бы «заменителем» того ребенка, но документальных подтверждений этому нет.

В 1869 г. Винсент Ван Гог поступил на работу в Гаагское отделение компании «Гупиль и К°», занимающейся продажей предметов искусства. Это вполне соответствовало традициям семьи, многие поколения которой торговали произведениями искусства, да и младший брат художника Тео всю свою сознательную жизнь продавал картины. Винсент проработал в компании «Гупиль и К°» более семи лет, и в 1873 г. его перевели в Лондон. Он был очарован культурной атмосферой Англии и пережил влюбленность, к сожалению, безответную. Ван Гог прожил в Лондоне два года, после чего «Гупиль» возвращает его в парижское отделение фирмы. Проработав там еще год, Винсент понимает, что не создан для торговли картинами, и покидает галерею Гупиля в марте 1876 г.

Он вернулся в Англию и провел там еще два года, в течение которых чувствовал себя вполне счастливым. Ван Гог начинает учительствовать, сначала в церковной школе для мальчиков преподобного Вильяма П. Стоука, а потом в школе преподобного Т. Слэйда Джонса, сыгравшего в жизни Винсента важную роль. В свободное время он посещает художественные галереи (впрочем, как и в первый свой приезд в Англию).

Учительствуя, Ван Гог обнаруживает интерес к Библии, и его отношение к религии значительно меняется: он задумывает посвятить свою жизнь Церкви. Приняв такое решение, он обращается к преподобному Джонсу с просьбой помочь ему в осуществлении своего намерения. Тот соглашается, и Винсент приступает к чтению молебнов, а потом и проповедей для прихожан церкви Тернхам Грин. Несмотря на решение стать священником, он оказался неважным проповедником: его проповеди были довольно тусклыми и скучными. Винсент любил проповедовать, но ему, как и его отцу, не хватало эмоциональности и умения владеть аудиторией.

Приехав домой на Рождество, Ван Гог остается в Голландии и начинает изучать теологию в Амстердаме. Поначалу он был полон энтузиазма, но чем дальше, тем больше охладевал к учебе; ему казалось, что занятия отвлекают его от главной цели – иметь свой приход. Тем не менее, Винсент упорно продолжал учиться почти до конца 1878 г. (по иронии судьбы, он, владеющий четырьмя языками, так и не смог до конца освоить латынь).

В ноябре 1878 г., не пройдя испытательный срок в миссионерской школе в Лаэкене, Ван Гог договорился с представителями Церкви еще об одной попытке. На этот раз испытательный срок был назначен в одном из беднейших мест Европы – в Боринаже (Бельгия), где влачили свое существование угольщики. В январе 1879 г. Винсент становится приходским священником в шахтерском поселке Васмес. Он очень сочувствовал шахтерам и как духовный наставник всячески старался облегчить их жизнь. Его стремление помочь быстро обрело форму фанатизма: Винсент отдавал большую часть своей еды и одежды самым страждущим из прихожан. В результате он оказался едва ли не духовным лидером шахтерской забастовки... Церковные власти, разумеется, не оценили усилий Ван Гога, и к лету он был лишен прихода.

Тем не менее, он не покинул Боринаж и, не желая расставаться с угольщиками, переехал в соседнюю деревню, где жил в полной нищете. В это самое время Винсент начинает заниматься

графикой и рисовать шахтеров и их семьи, запечатлевая ужасные условия, в которых они жили. Именно тогда, в возрасте 27 лет, Винсент Ван Гог наконец обретает свое истинное призвание – быть художником. Без образования, без каких-либо материальных стимулов; с одной лишь уверенностью, что истовая вера в свое призвание, помноженная на поистине титанические усилия, в конце концов во что-то воплотится.

И вот, после года нищенского существования, осенью 1880 г. Винсент отправляется в Брюссель учиться живописи на деньги своего младшего брата, торговца картинами Тео Ван Гога, который продолжал содержать Винсента на протяжении последующих десяти лет, до самой его смерти. Братья были очень близки с самого детства, и их переписка, в которой они делились самым сокровенным, стала для биографов основным источником сведений о Ван Гоге. Вообще же Тео, хотя и был успешным торговцем картинами, смог продать лишь одну картину брата, причем за сущие гроши. Лишь после смерти обоих картины Винсента Ван Гога получили настоящее признание и нашли своих ценителей.

Итак, Винсент учится живописи в Брюсселе и приезжает на лето в Голландию, к семье. То лето было переполнено драматическими событиями. И главным из них стала встреча с недавно овдовевшей кузиной Кее (Корнелией Адрианой Вое Шрикен). Винсент полюбил Кее, но, как и в 1873 г. в Лондоне, был отвергнут. Не веря в неудачу, он решает встретиться с Кее в доме ее родителей, однако и отец отказывает ему в свидании с дочерью. Ван Гог, полный решимости добиться своего, устраивает настоящий спектакль: он вытягивает руку над открытым пламенем масляной лампы, угрожая поджаривать ее до тех пор, пока ему не позволят увидеть Кее. Однако ее отец просто-напросто задувает огонь, и Винсенту приходится уйти несолоно хлебавши.

Тем же летом у него начинаются разногласия с собственным отцом, недовольным тем, что сын сошел со стези священника и посвятил себя живописи.

В это трудное время Винсент находит поддержку у Антона Мауве, мужа одной из своих кузин и довольно известного художника (что бы мы знали о нем сегодня, если бы не Ван Гог?). Он выслал Винсенту из Гааги набор акварельных красок, предоставив ему возможность впервые попробовать рисовать в цвете. Ван Гог некоторое время берет уроки у Мауве, ценя его советы и получая удовольствие от общения с ним, но их дружбе не суждено было продлиться долго. Мауве порвал отношения с Винсентом из-за того, что тот жил с проституткой.

Ван Гог встретил Класину Марию Хурник, проститутку по прозвищу Син, в феврале 1882 г. в Гааге. В то время она носила под сердцем второго ребенка и вскоре переехала к Винсенту. Они прожили вместе полтора года в абсолютной нищете, и их отношения были довольно бурными. Ван Гог был привязан к Син, и особенно к ее детям, но искусство всегда было для него на первом месте, что давало пищу для многочисленных скандалов. Син и ее дети позировали для десятков работ Винсента, и за время их совместной жизни он значительно вырос как художник.

1883 г. стал годом очередных перемен как в личной, так и в творческой жизни Ван Гога. Он начинает чаще писать масляными красками, растет как художник, одновременно теряя Син. Их отношения становятся все хуже и хуже, и в сентябре 1883 г. Винсент и Син расстаются. Ван Гог отправляется на север Голландии и остается там на некоторое время, рисуя пейзажи и портреты местных жителей.

К концу декабря Винсент возвращается домой и живет там больше года, постоянно работая над пейзажами и портретами крестьян, ткачей и прядильщиков. 26 марта 1885 г. умирает его отец. Их отношения были очень трудными, и известие о смерти отца не вызвало у Винсента глубокого эмоционального отклика. Он лишь ненадолго прерывает свою работу, отдавая дань приличиям.

В это время Ван Гог создает свои первые шедевры, но их не понимают даже его близкие друзья, и Винсент рвет с ними отношения. Напряженная работа истощила художника, и к

концу 1885 г. он решил сменить обстановку. В начале 1886 г. он поступает в Академию художеств в Антверпене, но через месяц бросает учебу, считая, что формальное обучение не может помочь ему достичь успеха.

Тем не менее, Винсент самостоятельно совершенствуется в живописи, ищет новые идеи, применяет новые техники... Наконец он чувствует, что получил от Голландии все, что та могла ему дать, и отправляется в Париж, где знакомится с импрессионистами.

Приехав в Париж, Винсент явился к Тео, и тому ничего не оставалось делать, кроме как принять брата. Парижский период Ван Гога очень много дал ему как художнику. Благодаря связям Тео он знакомится со многими парижскими художниками. Два года пребывания в Париже Винсент провел, посещая ранние выставки импрессионистов. Их методы оказали большое влияние на творчество Ван Гога, который, тем не менее, оставался верен своему неповторимому стилю. Благодаря импрессионистам его палитра стала отходить от традиционно темных голландских цветов, и в картинах появляются свежие, сочные, яркие краски. Тогда же Ван Гог увлекается искусством Японии, и эта страсть накладывает отпечаток на все его дальнейшее творчество (и объясняет огромную популярность картин Ван Гога у японских коллекционеров). Винсент влюбляется в Японию, «землю обетованную» для художника.

Жизнь в Париже много дала Винсенту как художнику, но столько же отняла у него как у человека. Он подорвал здоровье из-за неполноценного питания, чрезмерного потребления алкоголя и курения, а кроме того, совместное проживание не пошло братьям на пользу, и их отношения испортились. Наконец, Ван Гога угнетала плохая погода; он жил для солнца. Тусклая парижская зима высосала все его силы, и он решил покинуть Париж, чтобы последовать за солнцем на юг.

В начале 1888 г. Винсент Ван Гог отправляется в Арль, мечтая создать там своего рода коммуну художников, где они могли бы вместе жить, работать и помогать друг другу. Поначалу Арль разочаровал художника: он искал солнца, а нашел холод и грязный снег. Но вскоре потеплело, показалось солнце, и... Ван Гог нашел свою «Японию». «Луг, полный желто-золотых бутонов, – писал он Тео, – канава, засаженная ирисами с зелеными листьями и фиолетовыми цветами; на заднем плане – город, несколько серых ветел и полоса синего неба... Знаешь, это было прямо японское видение».

В следующие месяцы Винсент прилежно работал, высылая Тео посылки со своими работами. Тео в ответ высылал ему деньги на жизнь, но тот продолжал тратить их на художественные принадлежности, а не на предметы первой необходимости. Изнуренный и истощенный, Ван Гог к осени окончательно подорвал свое здоровье.

Сейчас, по прошествии полутора столетий, художник воспринимается как угрюмый отшельник и мизантроп, но это не так. На самом деле ему нравилось общество, и за прекрасные весну и лето в Арле он приобрел массу друзей.

Винсент не терял надежды создать коммуну художников и развил бурную деятельность, чтобы уговорить Поля Гогена – парижскую знаменитость – погостить у него на юге. Это предприятие потребовало ассигнований со стороны Тео, оплатившего поездку Гогена в Арль. Тео был заинтересован в ней не только как заботливый брат, но и как бизнесмен: он надеялся, что Гоген вышлет ему свои работы, которые можно будет выгодно перепродать. В отличие от Винсента Ван Гога, у Поля Гогена получалось извлекать прибыль из своего творчества. Гоген приехал в Арль в конце октября.

Следующие два месяца были ужасны и для Винсента, и для Поля Гогена. Поначалу они неплохо ладили, но проходили недели, портилась погода, а вместе с ней настроение Ван Гога (впрочем, Гогена тоже). В декабре их отношения обострились, ссоры становились все более частыми, и пиком стал приступ душевного расстройства, во время которого Ван Гог попытался напасть на Гогена.

23 декабря Винсент Ван Гог, находясь в состоянии безумия, лезвием отрезал нижнюю часть своего левого уха, завернул ее в тряпку и отнес «подарок» в бордель, где вручил одной из проституток. Потом он вернулся домой, где его нашли и поместили в больницу. Гоген, отправив Тео телеграмму о случившемся, немедленно покинул Арль. Позже Ван Гог и Гоген иногда писали друг другу, но так больше и не встретились.

Следующая после истории с ухом неделя стала для Ван Гога критической: он потерял много крови, участились приступы безумия, в течение которых Винсент был недееспособен. Тео, примчавшийся из Парижа, был уверен, что брат умрет, но к новому году он уже почти полностью поправился. В это время художник создает свои знаменитые «Подсолнухи».

7 февраля у Винсента опять случается приступ, на этот раз ему представилось, будто его отравили. Его снова помещают в больницу в Арле, а через десять дней выписывают.

К тому времени жители Арля начали выказывать недовольство поведением Ван Гога и написали петицию мэру города. Тот передал ее начальнику полиции, который приказал вновь поместить Винсента в больницу. Посоветовавшись с Тео, Винсент решает лечь в психиатрическую лечебницу в Сен-Реми. 8 мая он покидает Арль.

По прибытии в лечебницу Ван Гог попал под наблюдение к доктору Теофилю Ц. А. Пейрону, который пришел к заключению, что пациент болен одной из разновидностей эпилепсии (этот диагноз с тех пор не был ни подтвержден, ни опровергнут). Лечебница была довольно приличной для своего времени, но Ван Гога беспокоили крики «постояльцев», кроме того, там плохо кормили и, наконец, не давали ничего делать. Все это очень угнетало его.

Проходили недели, душевное состояние Винсента оставалось более или менее стабильным, и ему снова было позволено рисовать. Однако относительное спокойствие длилось недолго, и в середине июля у Ван Гога случается очередной припадок – на этот раз он попытался проглотить свои собственные краски. В результате его лишили доступа к материалам, что очень огорчило Винсента. Через неделю доктор Пейрон смягчился и разрешил ему возобновить рисование, что значительно улучшило состояние пациента.

Однако 23 декабря 1889 г., ровно через год, день в день после истории с ухом, у Винсента случился новый приступ, который продлился около недели, но он довольно быстро оправился и вновь приступил к работе. С течением времени приступы учащаются и становятся все более тяжелыми.

Ван Гог не мог покинуть своей комнаты в течение двух месяцев, хотя все время стремился к этому. Он начал планировать свой предстоящий отъезд из лечебницы и поделился своим желанием с Тео, который стал подыскивать возможные варианты для перевода Винсента куда-нибудь поближе к Парижу. Кое-что разузнав, Тео решил, что брату лучше всего будет сначала вернуться в Париж, а затем начать лечение у доктора Гаше, терапевта-гомеопата. Винсент соглашается и в мае 1890 г. покидает Сен-Реми и отправляется в Париж.

По приезде Ван Гог почти сразу встретился с доктором Полем Гаше, который жил в Овере. Хотя сначала Гаше понравился ему, позже он будет высказывать сомнения по поводу компетентности доктора: «...думаю, что он еще более болен, чем я, или, скажем, такой же. А когда слепой ведет слепого, разве они оба не упадут в яму?» После двух недель общения с доктором Гаше художник смягчил свое мнение о нем, поселился в Овере невдалеке от него и полностью погрузился в работу.

Поль Гаше сам был художником и очень ценил импрессионистов. Он был одним из немногих, кто высоко ценил картины Ван Гога и считал тяжелое состояние Винсента не следствием душевной болезни, но мучительных страданий души художника. Вообще у них было много общего: тревожное, трагическое мировосприятие, неудовлетворенность избранным делом и даже внешность...

Первые недели прошли для Винсента спокойно и приятно. Казалось, что он вполне здоров, как психически, так и физически: терапия Гаше оказывала самое благостное воздействие.

Весь июнь художник пребывал в хорошем расположении духа и много работал; в этот период были написаны некоторые из наиболее известных его работ (в том числе и «Портрет доктора Гаше»).

У Тео же, напротив, был очень тяжелый период в жизни: неопределенность с работой, стремительное ухудшение здоровья и в довершение ко всему – болезнь сына. Тем не менее, 6 июля Винсент решил навестить Тео и его семью, однако визит вышел неудачным. Он очень быстро почувствовал подавленность и раздражение и поскорее уехал.

В течение следующих трех недель художник много работает. «В настоящий момент я чувствую себя более спокойным, чем в прошлом году, и на самом деле беспокойство в моей голове значительно уменьшилось», – пишет он матери. Казалось, жизнь Винсента стала, по крайней мере, спокойной... Он пишет много и быстро; его пейзажи, выполненные рукой настоящего мастера, пронизаны каким-то мрачным ожиданием, он создает полную предчувствия скорой смерти картину «Стая ворон над хлебным полем». Закончив работу над этой картиной, во время очередного приступа депрессии он кончает жизнь самоубийством.

В воскресенье вечером 27 июля 1890 г. Винсент Ван Гог выходит из дома с мольбертом, кистями и красками. Выйдя в поле и начав рисовать с натуры, он бросает работу, достает из кармана револьвер, который носил с собой уже несколько дней под предлогом, что хочет стрелять ворон, и стреляет себе в грудь. Затем он направляется в пансион Раву и ложится в постель. Обнаружив окровавленного постояльца, Раву зовет местного практикующего врача и доктора Гаше, который вызывает Тео. Принимается решение не вынимать пулю из груди.

Последние минуты своей жизни Винсент провел в обществе брата. Тео держал его за руку и разговаривал с ним по-голландски. Винсент смирился со своей судьбой, и Тео позже писал: «Он хотел умереть. Когда я сидел рядом с ним и говорил, что мы поможем ему выздороветь, что надеемся, что он избавится от своего отчаяния, он сказал мне: «*La tristesse durera toujours*» («Печаль продлится вечно»). И я понял, что он хотел этим сказать»...

Судьбе было угодно, чтобы последнее десятилетие своей жизни В. Ван Гог провел, ощущая радость от своего творчества и ведя полуголодное существование на деньги своего брата Тео, единственного человека, который поддерживал его до самого конца.

Винсент Ван Гог скончался в полвторого ночи 29 июля 1890 г. Католическая церковь в Овере не разрешила хоронить его на своем кладбище, потому что он покончил жизнь самоубийством. Однако в поселке Мери, что неподалеку, согласились на захоронение, и похороны состоялись 30 июля.

Тео Ван Гог скончался через полгода. Он был похоронен в Утрехе, но в 1914 г. вдова Тео, Иоганна, горячая поклонница работ Ван Гога, перезахоронила тело Тео рядом с Винсентом на кладбище в Овере. Она попросила, чтобы между могилами посадили веточку плюща из сада доктора Гаше. Этот плющ и по сей день покрывает ковром могилы Винсента и Тео.

* * *

Он мог бы всю жизнь торговать чужими картинами – как младший брат Тео, тоже, впрочем, не особенно преуспевший в фамильном бизнесе. Мог бы стать священником – в старинном голландском роду Ван Гогов и это дело было в почете. Винсент честно испробовал и то и другое.

«Если ты слышишь внутри себя голос, говорящий: «Ты – не художник», тогда, приятель, рисуй, несмотря ни на что, и этот голос умолкнет... Разве нельзя научиться терпению у природы, видя, как медленно созревает пшеница?..» – писал Винсент брату. И рисовал, несмотря ни на что. У него было катастрофически мало времени.

Творчество любого художника принято делить на периоды. В «периодизации» Ван Гога поражает сопоставление цифр: огромное количество рисунков и полотен относительно за

короткие промежутки времени. Вот только некоторые из них: за два года в родительском доме, куда он вернулся из Боринажа, – 185 картин и около 240 рисунков; в Арле с февраля 1888 по май 1889 года – 200 картин, сотня рисунков и акварелей; за два последних месяца жизни в городке Овер на Уазе – семьдесят работ. А ведь Винсент Ван Гог рисовал только десять лет...

ВЕЙНИНГЕР ОТТО

(род. в 1880 г. – ум. в 1903 г.)

Я – память без добра.
Я – знание без стремлений.
Остывшая звезда
Пропавших поколений.

Юрий Шевчук, «Церковь»

Двуглавый орел в качестве герба, многомиллионное и многонациональное население присоединенных земель, антисемитизм, огромный бюрократический аппарат, неэффективная власть, агонизирующая монархия, расцвет музыки, литературы и философии (особенно в столице)... На первый взгляд, речь идет о Российской империи. Но в начале XX века было еще одно государство, полностью подходящее под такое описание, – Австро-Венгрия.

Это сейчас Австрия – крохотная европейская страна. А когда-то она была частью огромной империи Габсбургов, объединявшей, кроме собственно австрийских и венгерских земель, Богемию, Моравию, Силезию, Галицию, Буковину, Далмацию, Хорватию, Словению, Боснию-Герцеговину и так далее. Пятидесятиmillionное население Какании – так писатель Р. Музиль обозвал Австро-Венгрию, образовав это слово от официальной аббревиатуры «К.-К.» (кайзеровско-королевская) и латинского глагола «сасаге» (значение очевидно) – не знало, что через десяток лет империя просто исчезнет с лица земли. Однако предчувствие распада,

близящейся гибели пронизывало все сферы ее интеллектуальной жизни. Искусство, естественные и гуманитарные науки находились под прессом многовекового конфликта между духом и телом: стремление избавиться от пуританских табу и запретов соседствовало с желанием установить новые, подчас не менее жесткие, правила общественной жизни, а потребность найти выход подавленной сексуальной энергии сталкивалась с отрицанием собственной телесности и страхом перед влечениями плоти.

Вот лишь несколько фамилий, которые как нельзя лучше иллюстрируют тот период австро-венгерской истории: писатели Франц Кафка, Стефан Цвейг, композитор Густав Малер, поэт Райнер Мария Рильке, художник Адольф Гитлер. Наконец – и прежде всего – психолог Зигмунд Фрейд и философ Отто Вейнингер. Вейнингер создал фундаментальный труд «Пол и характер», где впервые показал, что человек бисексуален, в нем скрыты и мужские, и женские черты характера. Сейчас нам это кажется само собой разумеющимся, но по тем временам это утверждение было революционным.

Вейнингер доказывал, что ни в растительном, ни в животном мире нет полностью однополых особей. Человек тоже не является исключением: нет ни стопроцентных мужчин, ни абсолютных женщин – есть только «мужское» и «женское» начала, в разной пропорции представленные у каждого индивидуума (в дальнейшем эта идея подтвердилась благодаря достижениям биохимии и генетики, открытию гормонов и хромосом). Именно эта пропорция и определяет характер конкретного человека – из этого постулата Вейнингер делает поистине шокирующие выводы.

Все активное, духовное, возвышенное и творческое в человеке философ относит к проявлениям мужского начала, а все материальное, низменное и пассивное считает чисто женским (в лучших традициях средневековых теологов, утверждавших, что женщина – «сосуд греха»). Иными словами, мужское начало несет добро, а женское – зло. Вейнингер отказал женщине в логике, разуме, наличии чувства прекрасного, способности любить... Вот один из самых известных афоризмов книги «Пол и характер», полюбившийся Адольфу Гитлеру: «Самый низкий мужчина выше самой достойной женщины». Или такой: «Женственность – это хаос, женское начало – это бездушная материя, это ничто: небытие, абсурд. Мужество – это Суть. Мужское начало – это символ всего... Мужчина в чистом виде есть образ и подобие Бога, то есть абсолютного Нечто. Женщина символизирует Ничто. Таково ее вселенское значение, и в этом смысле мужчина и женщина дополняют друг друга».

Возникает вопрос: если женщина (точнее, женственность) – действительно Ничто, то стоит ли вообще уделять ей столько внимания? Получается, что «ничтожество» обладает удивительной притягательностью и какой-то демонической властью. В общем-то ответ на поставленные вопросы можно найти у самого Вейнингера, и он вполне предсказуем: «Ненависть к женщине – всегда лишь еще не преодоленная ненависть к собственной сексуальности». По большому счету, многие поражающие своей агрессивностью пассажи являются следствием неудач молодого Отто на любовном фронте.

Второй аспект работы связан с происхождением Вейнингера и с тем загадочным психологическим явлением, которое позднее философ Теодор Лессинг назвал «еврейской самоненавистью». В труде «Пол и характер» еврейству посвящена отдельная глава. Вейнингер, стараясь оградиться от упреков в антисемитизме, заявляет, что описывает не расу, не народ и не вероисповедание. Под «еврейством» он понимает определенный набор душевных свойств, который в наибольшей степени проявляется именно у евреев, но может обнаружиться у любого человека (даже у арийца). Например, у любимого композитора Вейнингера, чистокровного немца Рихарда Вагнера, элемент еврейства проявляется в навязчиво громкой и бравурной музыке, в усиленном внимании к оркестровке своих произведений. Яркими представителями еврейства Вейнингер и считает антисемитов, утверждая, что антисемит чувствует свою еврейскую

психологию и старается освободиться от нее. В целом же Вейнингер говорил о родственности «еврейства» и «женского» начала, он практически отождествлял их.

Одержимость, с которой Вейнингер пытается откеститься от собственного происхождения, понятна – себя-то он считает гением, а гений и еврейство, согласно его же собственной концепции, несовместимы. С таким же фанатизмом он стремится уничтожить женщину в себе, стать «абсолютным мужчиной» – что тоже невозможно, если принять бисексуальность человека как данность. Вейнингер загнал себя в тупик собственных философских воззрений, а «Пол и характер» определил скорую гибель Вейнингера-человека и бессмертие Вейнингера-философа: «Книга эта означает смертный приговор, который предназначен или для самой книги, или для ее автора», – писал он.

Философские воззрения Вейнингера вызвали бурную реакцию современников и по сей день продолжают возбуждать противоречивые толки. Одни считают его выдающимся мыслителем, во многом предвосхитившим открытия в области физиологии и психологии пола. Другие воспринимают «Пол и характер» как отражение психологического неблагополучия автора: страха перед женщинами и собственной сексуальностью, чувства ущербности из-за своей национальности, сочетающегося со всепоглощающим желанием возвышения и всеобщего признания. Третьи отзываются о книге Вейнингера с омерзением и гадливостью – слишком много в ней откровенного шовинизма. Четвертые расхваливают «Пол и характер», цитируя подходящие к случаю афоризмы о изменности женского начала, а заодно – чего уж там – находя обоснованным антисемитизм Вейнингера. К последним, кстати, относится и Адольф Гитлер, который настолько проникся идеями философа, что назвал его «приемлемым евреем» и даже не стал сжигать его книги и лишать докторской степени (в отличие, например, от Цвейга). Вейнингер стал единственным «не-арийцем», книги которого не сжигались в нацистской Германии.

Отто Вейнингер родился 3 апреля 1880 г. в Вене, самом антисемитском городе Европы того времени. Он стал вторым сыном в многодетной семье еврейского живописца-ремесленника (у Отто были и сестры). Все, кто знал Отто ребенком, рассказывали, как открыт и восприимчив он был в детстве. Любое природное явление имело для него свой особенный смысл, который он стремился найти. Малейшие несчастья и неприятности больно ранили его.

С детства мальчик проявлял необычайную умственную зрелость, его любопытство не знало предела – все увлекало и захватывало его. Ни о какой конкретной профессии долгое время не могло быть и речи, и, поступив в университет, Отто старался максимально использовать свои способности. Он изучал естественные науки, затем переключился на философию и психологию, слушал курсы математики, физики, медицины. Конечно, в этом таилась опасность расплыть силы, но только не для Вейнингера – в двадцать лет он писал: «...Мои духовные силы таковы, что я мог бы в известном смысле решить все проблемы».

Однако духовная жизнь философа вступала в постоянное противоречие с жизнью материальной. Круг его знакомств был, мягко говоря, невелик, он с большим трудом устанавливал контакты с людьми. Нет никаких сведений о взаимоотношениях Отто с женщинами, у него не было ни подружки, ни невесты. Похоже, он не знал радостей любви: если у него и были какие-то отношения с противоположным полом, то, по-видимому, они заканчивались неудачей. Стефан Цвейг, который учился в университете в одно время с Вейнингером, вспоминал: «У него всегда был такой вид, как будто он только что сошел с поезда после тридцатичасовой езды: грязный, усталый, помятый; вечно ходил с отрешенным видом, какой-то кривой походкой, точно держался за невидимую стенку, и так же кривились его губы под жидкими усиками...»

Похожее описание внешности сделал Артур Гербер, один из немногих друзей Отто Вейнингера: «Отто был худ, неловок, небрежно одет, в движениях было что-то судорожное; ходил опустив голову, неожиданно срывался и несся вперед». И добавлял: «Никогда я не видел его смеющимся, улыбался он редко». Впрочем, во время совместных прогулок с Гербером Вей-

нингер преображался, он «... как будто становился выше ростом. Увлеченный разговором, фехтовал зонтом или тростью, как будто сражался с призраком».

Отто Вейнингер выработал в себе высокомерное отношение к «земному», «житейскому», которое мешает возвыситься и жить исключительно духовной жизнью. Он как будто возвращался в Средневековье с его противопоставлением души и тела, плотской «грязи» и духовного «величия», фанатичной верой в необходимость избавления от телесной греховности. Вейнингер смотрел на мир сквозь призму собственных теорий, а такая картина не могла не быть искаженной. Он не мог принять красоту реального «низменного» мира (ведь это значило бы «упасть в грязь»), а потому живописал его мерзость. И чем больше манил его недоступный мир, тем более отталкивающие картины он рисовал, убеждая в первую очередь самого себя.

Ни одно слово не встречается в его бумагах чаще, чем «преступление». Вся философия Вейнингера построена на идее греха и искупления, само понятие первородного, неизбежного греха было очень близко ему. В чем же он видел возможность очищения? В том же, в чем и монахи: в восхождении к высотам духа, где царят разум и мораль и нет места плотским желаниям. Казалось бы – Вейнингер мог обратиться к религии, уйти в монастырь и стать теологом. Но он поставил перед собой другую цель: не только очиститься самому, но и привести человечество к истинному счастью, освободив от греха. Вейнингер дал клятву не отступить от своей цели и заставить человека навсегда покинуть грешную землю и жить в мире высокого.

Захваченный страстной идеей открыть миру истинную систему морали и указать верный путь, Отто написал диссертацию. В день защиты – а Вейнингеру был двадцать один год – он принял крещение по лютеранскому обряду. Многие восприняли этот шаг с пониманием, считая, что тем самым он рассчитывает начать карьеру – многие австрийские евреи в условиях государственного антисемитизма крестились, желая обеспечить себе более высокое положение в обществе, хорошую работу, выгодную женитьбу и т. п. Однако в случае Вейнингера подобное предположение далеко от истины: если бы он жаждал карьеры, то стал бы католиком, ибо основным вероисповеданием в Австро-Венгрии был католицизм. Крещение стало для него символом отречения от своего народа, который он считал воплощением низменных, греховных качеств, присущих человеку.

Возможно, крещение все же сыграло свою роль: в возрасте двадцати двух лет Вейнингер занял кафедру и стал профессором. По совету своего научного руководителя профессора Йодля (который, правда, советовал убрать «некоторые экстравагантные и шокирующие пассажи», а в частном письме признавался, что автор, хотя и является талантливым ученым, глубоко антипатичен ему как личность) Вейнингер расширил свою докторскую диссертацию, превратив ее в труд под названием «Пол и характер. Принципиальное исследование».

Книга с предисловием автора и комментариями увидела свет весной 1903 г. и сразу же вызвала большой резонанс. Это был одновременно и скандальный бестселлер, и серьезный труд, с которым полемизировали, чьему влиянию поддались прославленные умы. Появилось множество последователей – вейнингерианцев, а несколько экзальтированных девушек по прочтении книги покончили с собой. О «принципиальном исследовании» говорили в своих лекциях выдающиеся философы, ей посвящали критические заметки знаменитые писатели. Несмотря на спорность многих суждений философа, все сходились во мнении, что Вейнингера ждет блестящее будущее.

Европейская слава поразила бедного еврея-студента. Для него открылись прежде недоступные блага ненавистного «земного» мира – почет, деньги, власть, путешествия, женщины. А Вейнингер требовал абсолютной целомудренности – прежде всего от себя и не мог отступить от своей клятвы, ибо это означало бы крах его философской системы. Он всеми силами вытравлял из своей души «женское», чтобы достичь своего идеала Человека, несмотря на бесплодность таких попыток, ведь человек, по собственным словам Вейнингера, бисексуален. В

конце концов, противоречие между стремлением к вершинам духа и невозможностью преодолеть «земное» закончилось трагедией.

Летом 1903 г. Вейнингер совершил поездку в Италию. В конце сентября он вернулся в Вену и, проведя пять дней у родителей, снял на одну ночь комнату в доме, где умер Бетховен. В этом доме в ночь с 3 на 4 октября 1903 г. Отто Вейнингер выстрелил себе в сердце. Он умирал всю ночь и еще был жив, когда полиция рано утром обнаружила его с огнестрельной раной в области сердца. Вейнингер скончался по пути в больницу.

Почему он выбрал именно дом Бетховена? А потому, что Бетховен был одним из немногих художников, чье величие признавал философ. «Истинно великий музыкант, – говорится в книге «Пол и характер». – Может быть таким же универсалом, как поэт или философ, может на своем языке точно так же измерить весь внутренний мир человека и мир вокруг него; таков гений Бетховена». Все же Вейнингер, вероятно, предпочел бы свести счеты с жизнью не в родном городе, а в Венеции, во дворце Вендрамин-Калерджи, где скончался Вагнер, «величайший человек после Христа». Однако это оказалось невозможным, и даже в смерти ему пришлось сделать уступку реальному миру.

Артур Гербер отыскал Отто в морге венской Общей больницы в половине одиннадцатого утра 4 октября 1903 г.: «...ни единого намека на доброту, ни следа святости и любви не было в этом лице... нечто ужасное, нечто такое, что вложило в его руку оружие смерти, – мысль о Зле. Но спустя несколько часов облик его изменился, черты смягчились... и, взглянув в последний раз на мертвого друга, я увидел глубокий покой вечности».

Самоубийство философа и писателя озадачило читающий мир. В гибели Вейнингера усматривали идейные мотивы, и все содержание книги подтверждало предположение, что самоубийство стало следствием его философской системы отрицания реального мира.

Отто Вейнингер оставил два завещания. Одно из них было написано в феврале 1903 г., за восемь месяцев до смерти, другое – в августе, на вилле Сан-Джованни в Калабрии. В завещаниях содержались распоряжения об урегулировании мелких денежных дел; друзьям он оставил на память маленькую домашнюю библиотеку и две сабли. Кроме того, просил разослать некоторым известным людям – Кнуту Гамсуну, Якобу Вассерману, Максиму Горькому – экземпляры своего трактата «Пол и характер». В бумагах умершего была обнаружена загадочная запись, сделанная перед смертью: «Я убиваю себя, чтобы не убить другого».

В результате смерти Вейнингера его книга приобрела невиданную популярность, долгие годы она успешно конкурировала с самыми модными новинками. За первые десять лет произведение было переиздано двенадцать раз, а к началу тридцатых годов выдержало около тридцати изданий. Книга была переведена на все языки, включая русский (два издания).

Под обаянием Вейнингера всю жизнь находился философ Людвиг Витгенштейн. О Вейнингере уважительно писали Николай Бердяев в книге «Смысл творчества» (что, возможно, следует сопоставить с его позднейшими профашистскими симпатиями) и Василий Розанов (который считал «Пол и характер» признанием в гомосексуальности). Вейнингер стал главной фигурой в нашумевшей книге Теодора Лессинга «Самоненависть евреев» (1930).

Сегодня это произведение почти забыто. Оно утратило самостоятельное философское и научное значение, но осталось важным документом эпохи, его породившей, и отражением личности автора, которая не раз становилась предметом психологических толкований. Сегодня его имя переживает определенное возрождение: о Вейнингере написан роман, с десяток лет назад в Вене была поставлена пьеса под названием «Ночь Вейнингера». И каждый раз, когда обращаешься к книге «Пол и характер», отдельным записям Отто Вейнингера, опубликованным после его смерти, к биографии философа, понимаешь – этот человек не мог не истребить себя.

ВУЛЬФ ВИРДЖИНИЯ

(Полное имя – **Вирджиния Эделин Стефенс-Вульф**)

(род. в 1882 г. – ум. в 1941 г.)

«...Я в сомкнутом,
я в сдавленном кольце.
Мне остается пробавляться ныне
Запавшей по случайности латынью
Memento mori. Помни о конце.
Какие сны и травы? – Не взыщите!
Какая благодать? – Лживый, малый сон.
И нету сил! (И где мой утешитель?!)
И худо мне! (И чем утешит он?)»

Илья Габай

Вирджиния Вульф, урожденная Стефенс – знаменитая английская писательница, критик, литературовед, переводчик (в том числе русских классиков: Аксакова, Толстого, Тургенева). Ее перу принадлежат романы «На маяк», «Миссис Дэллоуэй», «Волны», «Между актами»,

множество рассказов, эссе и критических статей. Вместе с мужем, Леонардом Вульфом, Вирджиния основала элитарное издательство «Хогарт Пресс», существующее и поныне.

Вирджиния Эделин родилась 25 января 1882 г. в Лондоне, в аристократическом Кенсингтоне. Надо сказать, что ее литературная карьера была предопределена – она появилась на свет в семье профессионального литератора в одном из центров литературной жизни Англии. Ее отец, Лесли Стефенс, был популярным писателем и критиком, философом и историком литературы, а мать – леди Джулия Дакворт – светской львицей, происходившей из старинного аристократического рода. Джулия стала второй женой Лесли Стефенса; она «унаследовала» его от своей близкой подруги Мариам Хэрриет. Мариам была дочерью классика английской литературы Уильяма Теккерея и быстро ввела своего мужа в самые изысканные литературные круги. В 1878 г. она умерла, а Лесли женился второй раз – на Джулии Дакворт, которая добавила к дому Стефенсов светского лоска.

Их дом слыл знаменитейшим литературно-художественным центром артистического, «богемного» Лондона. На коктейли миссис Дакворт-Стефенс слетались начинающие поэты, музыканты, художники чуть не всей Англии. Здесь утверждалась литературная и интеллектуальная мода. Здесь свободно и непринужденно говорили и о выставке порицаемых «истеблишментом» импрессионистов, недавно открывшейся в Лондоне, и о новых книгах американского психолога Уильяма Джемса, с легкой руки которого в обиход вошло понятие «поток сознания», затем прочно вошедшее в литературу. Здесь читали и без стеснения обсуждали слывшие скандально непристойными работы Зигмунда Фрейда и считавшиеся трудными для понимания работы Карла Юнга. Новички, впервые попадавшие в этот дом, чувствовали себя довольно неуютно – достаточно было несколько отстать от «моды», как они тут же теряли нить беседы и оказывались за бортом всеобщего обсуждения. В то же время достаточно было запомнить несколько фамилий, названий и критических замечаний, звучащих в доме Стефенсов, чтобы потом щеголять ими в обществе менее просвещенных собратьев.

Четверо детей Стефенс, таким образом, воспитывались в среде, где искусство и разговоры о нем создавали особую атмосферу. Книги и мольберт были для сестер Ванессы и Вирджинии, как и для двух старших мальчиков – Тобиаса и Эндриена, более привычны, чем куклы и любые другие игрушки. Мальчикам прочили карьеру, а девочкам, кроме рисования, преподавали языки, музыку, рукоделие и домоводство. Они должны были стать образцовыми домохозяйками, идеальными женами и светскими дамами, которые в то же время обладают достаточной широтой взглядов, чтобы поддерживать передовое искусство, – мистер Стефенс был сторонником прогресса.

Леди Джулия (именно так должно было называть миссис Дакворт-Стефенс – ведь это так аристократично, демократично и романтично одновременно), напротив, считала, что муж слишком много позволяет Вирджинии. Девочка слишком много и бесконтрольно читает – бог весть, что это за литература, вдруг эти произведения содержат что-то неподходящее для благовоспитанной юной леди. Впрочем, этим воспитательная деятельность леди Джулии исчерпывалась – ее значительно больше интересовали светские рауты, «ловля» знаменитостей и изобретение «неожиданных» суждений о последних литературных новинках.

В общем, у детей было нетипичное для тех времен детство, ведь благовоспитанные мальчики и девочки должны были чинно ходить, не шалить, молчать, если их не спрашивают, послушно отвечать на вопросы, если такие возникнут, – в общем, делать все, чтобы их было не видно и не слышно. Дети, склонные к типичному для ребенка поведению – беготне, смеху, любопытству, расспросам, – считались сорванцами и позором для семьи. Если бы четверо детей Стефенс вдруг попали в какое-то другое семейство, то их, наверное, сочли бы сущими разбойниками: они много читали, рисовали, шалили, смеялись, бегали, шумели. Все четверо были очень привязаны друг к другу, и можно было бы сказать, что детство и раннее отрочество Вирджинии протекало безмятежно и счастливо, если бы не одно страшное событие.

Когда Вирджинии было чуть больше тринадцати лет, она была едва не изнасилована своими пьяными аристократами-кузенами, гостившими в доме леди Джулии. Два молодых лорда прибыли с целью поступить в университет, но готовились к экзаменам довольно странным способом: они целыми вечерами пропадали в кабаках и клубах, возвращаясь за полночь. И вот как-то они наткнулись на Вирджинию, выбиравшую себе очередную книгу в библиотеке. Дело было ночью, и девочка, вышедшая из спальни и не подозревавшая ничего плохого, была одета только в ночную сорочку. Видимо, это распалило пыл двух повес, вернувшихся из очередного набега на злачные места Лондона.

Вирджиния вырвалась из их рук и разбудила весь дом своим диким криком. В библиотеку сбежала прислуга и все семейство Вульф; рассвирепевший отец девочки вышвырнул беспутных племянников из дому. Вирджиния впала в глубокий шок, и к ней вызвали домашнего врача. Тот, осмотрев девочку, нашел, что физически она не пострадала – спас поднятый шум, но испытала глубочайшее душевное потрясение и требует лечения. Лечение было предоставлено, но оно было странного свойства и заключалось в душеспасительных беседах, которые вела с дочерью просвещенная и прогрессивная леди Джулия. Прежде всего, девочке было внушено, что она сама навлекла на себя беду, появившись в мужском обществе в столь соблазнительном и неприличном виде (о том, что Вирджиния вовсе не стремилась встретиться своих кузенов, было забыто). А раз она сама виновата в происшедшем, то в интересах самой же Вирджинии хранить тайну об этом досадном происшествии, ведь оно компрометирует юную особу. Поэтому леди Джулия запретила дочери не только рассказывать кому-либо из близких, но даже вспоминать об этом досадном происшествии! Она потребовала от очевидцев строго хранить «семейную тайну», свалив всю вину на тринадцатилетнего ребенка.

В результате у Вирджинии, девочки впечатлительной, сформировался устойчивый комплекс вины, и она впала в тяжелейшую депрессию, приступы которой преследовали ее потом на протяжении всей жизни.

А когда той же осенью, простудившись в театре, от воспаления легких умерла ее мать, девочка в первый раз попыталась покончить с собой. Но ее спасли, снова строго-настрога наказав хранить в тайне компрометирующий семью поступок. Вирджиния окончательно замкнулась в себе, отказалась поступать в университет, не появлялась в обществе. Она ушла в мир книг – рядом с ними ей не надо было опасаться за свою репутацию, стала вести дневник, куда записывала свои переживания. Тяжелейшая депрессия, приступы которой периодически накатывали на девушку, давала о себе знать – Вирджиния совершила еще несколько попыток самоубийства.

Когда в 1904 г. умер отец Вирджинии, она вместе с любимыми братьями и сестрой переехала в новый дом на Гордон-сквер. Ванесса, Тобиас и Эндриен часто приглашали молодых литераторов и журналистов, заглаживали и старые друзья семьи. Вирджиния начала понемногу выбираться из своей скорлупы, общаться с мужчинами, участвовать в литературных спорах и пробовать перо.

Ее первая литературная рецензия была опубликована в газете «Гардиан» в декабре 1904 г., а в 1905 г. она стала постоянным и довольно популярным обозревателем литературного приложения в газете «Тайме». Вирджиния продолжала сотрудничество с «Тайме» более тридцати лет, опубликовав свыше сотни рецензий, статей и эссе. В своих статьях Вирджиния Вульф была больше читателем, чем критиком, в чем проявлялась ее особая манера – встав на позицию обычного читателя, она смотрела на произведения литературы его глазами.

В 1906 г. умер от сердечного приступа брат Тобиас, что повлекло новый виток глубочайшей депрессии и очередную попытку самоубийства (все нюансы своего душевного состояния того времени она позднее опишет в романе «Волны»). Вирджинию спасла Ванесса, с которой они были очень близки, и когда в 1907 г. та вышла замуж, Вирджиния признавалась ей в письме, что «будто осиротела». Ванесса обладала незаурядным талантом карикатуриста,

писала акварелью и позже не раз мастерски иллюстрировала романы и рассказы сестры, успехами которой очень гордилась.

Оставшись вдвоем с Эндриеном, Вирджиния снова сменила адрес и основала «блумсберийскую группу»⁷, в которую вошли образованные молодые люди, провозгласившие своей целью борьбу с отжившим и ветхим, ниспровержение авторитетов и поиск новых форм в искусстве. В общем, это было достаточно распространено в начале XX века – во всех сферах искусства возникали новые течения, стремившиеся утвердиться, сломать старые традиции. Одним из молодых людей, завсегдаев встреч «группы», был Леонард Вульф, который в 1912 г. стал мужем Вирджинии.

Они прожили вместе 29 лет. Их союз был «образцом душевного взаимопонимания и эмоциональной поддержки». Бытовало убеждение, что только благодаря чуткости и заботе Леонарда Вирджиния смогла раскрыть свой писательский дар. Она обладала удивительной способностью перевоплощения, полностью погружаясь в душевный мир своих героев. Леонард был первым читателем и критиком любого произведения Вирджинии: от короткой рецензии до романа. Она свято верила в его критику и всегда следовала замечаниям мужа.

В 1923 г. уже успевшая прославиться Вирджиния Вульф начинает работу над своим знаменитым произведением – «Миссис Дэллоуэй». Она испытывает жесточайшую депрессию, связанную с нервным заболеванием и растущей неудовлетворенностью жизнью. В ее измученном мозгу постепенно складывается история миссис Дэллоуэй, respectable замужней дамы, которая готовится к праздничной вечеринке, хотя чувствует себя глубоко несчастной. Миссис Дэллоуэй несчастна: она не состоялась как личность и как мать, но осознает это лишь в один летний день, когда, спускаясь по лестнице в Риджент-парке, встречает случайно Питера Уэлша, старого знакомого, неосознанную, запрятанную, задавленную первую любовь... А тот, потерявший в жизни многое: любимую женщину, друзей, идеалы, – растерянно делает шаг навстречу женщине. Роман заканчивается фразой: «И он увидел ее». Все обрывается на полуслове, сон души окончен, жизнь героев только начинается, и все еще может быть. Миссис Дэллоуэй, решившая покончить с собой, в конце концов остается в этом мире, чтобы попытаться обрести в нем свое место.

Ее считали и считают трудной для восприятия, слишком «интеллектуальной писательницей». Многие романы Вирджинии Вульф («На маяк», «Волны») написаны в манере потока сознания, недосказанности, самообнажения, что неизменно вызывало противоречивые высказывания критики и читателей: от абсолютно восторженных до недоуменных. Сама писательница говорила: «Писать из самых глубин чувства, – так учит Достоевский», и судя по всему, Вирджиния творила именно так.

Огромной популярностью пользовались ее рассказы, напоминающие по форме лирические стихотворения в прозе. Вульф называли создательницей новой манеры письма. Тогда она вызывала яростную полемику, а сейчас стала общепризнанной. В общем, признание и слава доставляли Вирджинии больше горечи, чем удовлетворения. Если бы не поддержка мужа и сестры, то она бы ушла из жизни намного раньше.

Вирджиния Вульф была очень красива, она привлекала внимание многих, но настоящей любовью отвечала лишь своему мужу Леонарду. Она высоко ценила чувство дружбы и часто бывала искренне увлечена своими подругами. С одной из них, Викторией, она дружила двадцать лет, написав множество прекрасных писем, почти что любовных признаний. Писательница посвятила ей свой роман-фантазию «Орландо» – книгу о любви и перевоплощении душ.

Это посвящение и полные нежности письма к Виктории дали повод многим современным исследователям делать вывод о том, что у писательницы была «нетрадиционная ориентация».

⁷ Общество получило наименование по названию «богемного» района Лондона – Блумсбери, где жили представители искусства, художественная, писательская и театральная элита.

Однако мы часто забываем о том, что в то время было принято по-другому выражать свои чувства: более открыто, более ярко, а обращение «Милый друг» или подпись «С любовью» часто оказывались не более чем фигурой речи.

Конечно, насилие, пережитое Вирджинией в детстве, оставило глубокий след в ее душе; она долгое время испытывала страх перед обществом мужчин, но постепенно он сгладился. Подруги замечали, что Вирджиния весьма сдержанно говорила об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, – но разве в этом есть что-то необычное или странное?

Своих детей у четы Вульф никогда не было, и Вирджиния очень переживала свое несостоявшееся материнство. Она чрезвычайно любила своих многочисленных племянников, детей Ванессы, особенно Джулиана – молодого, подающего большие надежды поэта. Но как и многие люди, которых коснулась привязанность Вирджинии, Джулиан погиб во время гражданской войны в Испании в 1938 г. Писательница с трудом оправилась от горя – ей казалось, что ее прикосновение убивает.

Она ушла от реальности в работу над новым романом «Между актами», несмотря ни на расшатанное здоровье, ни на начавшуюся войну и бомбежки, ни на гибель друзей. Ее все чаще посещали мрачные галлюцинации, ночные видения, кошмары, и врачи стали настаивать на ее помещении в психиатрическую лечебницу. Вирджиния пыталась справиться с недугом самостоятельно, не желая обременять родственников необходимостью ухода за ней.

Наверное, она бы выкарабкалась и на этот раз, но ночная бомбардировка Лондона перечеркнула ее жизнь. В ту ночь был разрушен дом писательницы, сгорела библиотека, едва не погиб любимый муж, которого она умоляла уехать в Лондон.

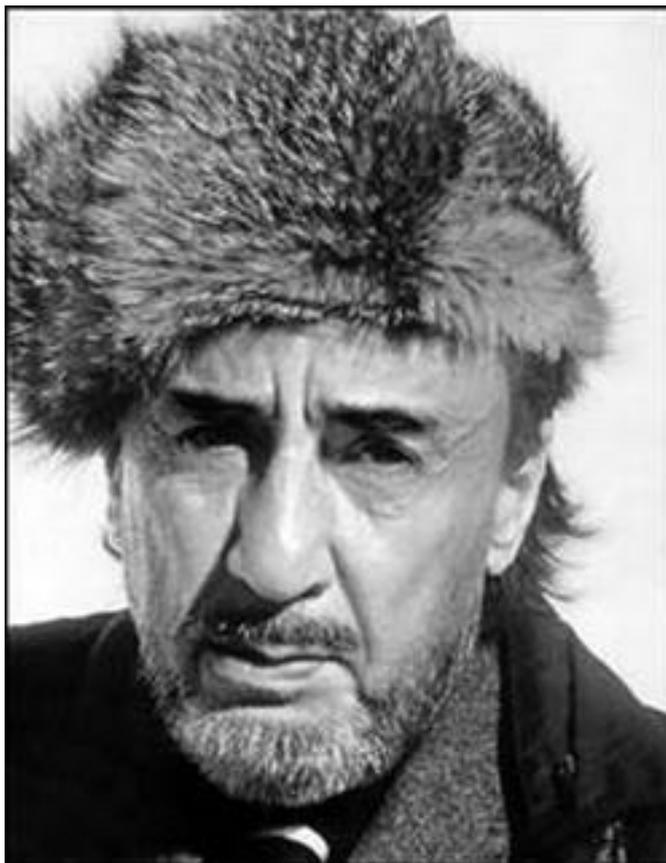
28 марта 1941 г. знаменитая писательница Вирджиния Вульф вышла из своего дома в графстве Сассекс, Англия, и не вернулась. Ее муж Леонард обнаружил предсмертное письмо Вирджинии, в котором она писала, что не может больше жить, что сходит с ума и хочет покончить и со своей ужасной болезнью, и со своим жалким бессмысленным существованием. Далее говорилось, что он, Леонард, подарил ей наивысшее счастье, какое только можно себе представить, и что она уходит, чтобы не мешать ему жить и заниматься творчеством.

Не желая, чтобы остаток своей жизни он провел в заботах о сумасшедшей жене, и словно сознавая, что ее собственная душа не выдержит дальнейших ударов судьбы, она покончила с собой, утопившись в реке Оутс. Чтобы не всплыть на поверхность реки, Вирджиния привязала к платью два больших камня. Она не хотела, чтоб ее спасали, – она была уверена, что это только добавит горя в мире.

ГАРИ РОМЕН

(Настоящее имя – Роман Касев, второй псевдоним – Эмиль Ажар)

(род. в 1914 г. – ум. в 1980 г.)

Быть чем-то одним неизбежно означает не быть всем другим, и смутное ощущение этой истины навело людей на мысль о том, что не быть – это больше, чем быть чем-то, что в известном смысле это означает быть всем.

Хорхе Луис Борхес

...Я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому началу. Начать все заново, еще раз все пережить, стать другим – это всегда было величайшим искушением моей жизни...

Ромен Гари, «Жизнь и смерть Эмиля Ажара»

Ромен Гари. Некролог Эмиля Ажара – всемирно известного писателя, лауреата Гонкуровской премии 1975 г., умершего 2 декабря 1980 г. (написан 21 марта 1979 г., опубликован в 1981 г.): «Я пишу эти строки в такое время, когда наш мир, отсчитывающий в своем вращении последнюю четверть века, все настойчивее ставит перед писателем вопрос, убийственный для всех видов художественного творчества: кому это нужно? От всего того, к чему литература стремилась и в чем видела свое назначение – содействовать расцвету человека, его прогрессу, – не осталось сегодня даже красивой иллюзии. И я вполне отдаю себе отчет в том, что эти стра-

ницы могут показаться нелепыми к моменту их публикации, ибо, коль скоро я собрался объяснить перед потомками, значит, я вольно или невольно предполагаю, что для них будут представлять какой-то интерес мои книги...»

Роман Касев. Некролог Ромена Гари – всемирно известного писателя, лауреата Гонкуровской премии 1975 г., ушедшего из жизни 2 декабря 1980 г. (написан 2 декабря 1980 г.): «Можно объяснить все нервной депрессией. Но в таком случае следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься литературным ремеслом». А может, это некролог Романа Касева, ушедшего из жизни 2 декабря 1980 г., написанный Роменом Гари? Или все того же Эмиля Ажара, по странному совпадению погибшего в тот же день?

Кто теперь может в этом разобраться? Понятно одно – трагедией закончилась жизнь выдающихся писателей современности Ромена Гари и Эмиля Ажара, а также авторов помельче – Люсьена Брюляра, Фоско Синибальди и Шатан Бога, а кроме того, юриста, летчика, кавалера ордена Почетного легиона, кинематографиста, дипломата Романа Касева. Кажется, что в тот декабрьский день в одной из парижских квартир раздался взрыв, унесший жизни десятка людей.

Однако это был не взрыв, а «всего-навсего» пистолетный выстрел – тот самый случай, когда «одним махом семерых убивахом», событие настолько маловероятное, что вряд ли оно когда-нибудь повторится. Правда, этот выстрел не попал в Книгу рекордов Гиннеса, хотя по всем статьям он этого достоин. Зато вошел в историю французского и мирового искусства, ибо завершил, пожалуй, самую грандиозную литературную мистификацию XX столетия и оборвал жизнь одного из известнейших французских прозаиков.

Итак, и Ромен Гари, и Эмиль Ажар, и все остальные персонажи – это грани личности Романа Касева, дипломата, генерального консула Франции в США. «Если я долго остаюсь собой, становится тесно – меня душит мое Я», – говорил Роман Касев, превращаясь в Ромена Гари, знаменитого французского писателя. «Это было для меня новым рождением. Я начинал сначала. Все было подарено мне еще раз. У меня была полная иллюзия, что я сам творю себя заново. Моя мечта о «тотальном романе», охватывающем и персонаж, и автора... стала наконец достижима», – это уже говорит Ромен Гари о своем перевоплощении в не менее знаменитого французского писателя Эмиля Ажара.

Впрочем, их вместе и каждого в отдельности можно считать достоянием русской, литовской, польской и еврейской культуры, ибо «родоначальник» всей этой писательской династии – Роман Касев – родился в 1914 г. в польском Вильно (ныне Вильнюс), входящем в состав Российской империи.

Само появление Романа на свет сопровождалось романтической легендой, созданной его матерью, актрисой провинциального театра, которая твердила, что отец мальчика – знаменитейший русский киноактер Иван Мозжухин. Она с удовольствием рассказывала пикантные подробности встречи с Мозжухиным и своего последующего падения. В общем, окружающие не сомневались, что Нина просто-напросто сочинила «всю эту любовь».

Единственным человеком, всю жизнь верившим в правдивость слов матери, был ее сын Роман. Он с удовольствием пересказывал историю ее роковой влюбленности, но ему – верили. В том числе потому, что взрослый Роман Касев, точнее, Ромен Гари, был невероятно похож на Ивана Мозжухина, ставшего к тому моменту достоянием истории кинематографа.

В возрасте трех с половиной лет он вместе с матерью покинул Россию и эмигрировал, как и многие другие, во Францию, в Ниццу. Мать решила уехать ради будущего Романа и полностью посвятила себя ему (точнее, воплощению в нем своих честолюбивых замыслов): «Мой сын станет французским посланником, кавалером ордена Почетного легиона, великим актером драмы, Ибсенем, Габриелем Д'Аннунцио. Он будет одеваться по-лондонски!»

Ради успеха она поставила крест на своей артистической карьере, взялась за поденную работу, голодала, отдавая сыну лучшие куски, – лишь бы дать мальчику хорошее образование и ввести в круг достойных людей, которые помогут ему в дальнейшем.

К чести Романа нужно сказать, что он сторицей воздал матери за все ее труды и жертвы. Он получил диплом юриста в Сорбонне и филолога-слависта в Варшавском университете. В конце тридцатых, когда началась война, Ромен Гари стал летчиком-истребителем, воевал в Северной Африке и в Европе, а после капитуляции Германии присоединился к генералу де Голлю, с которым сблизился. Он участвовал во французском Сопротивлении и был награжден орденом Почетного легиона. После войны Роман Касев стал дипломатом, сотрудником французских посольств в Софии, в Берне (1949), в Лондоне (1955), а позже генеральным консулом Франции в Лос-Анджелесе (1956–1960). Тогда же, после войны, началась его литературная деятельность.

В 1945 г. под псевдонимом Ромен Гари вышла первая книга Касева, «Европейское воспитание» – об антифашистском подполье в Польше. Интересно происхождение этой «типично французской» фамилии; сам Касев объяснял выбор псевдонима так: «По-русски «гори» – это повелительное наклонение глагола «гореть»; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни». Его первый роман сразу завоевал признание, и затем он почти каждый год публиковал по роману.

Гари утверждал: «Все мои книги насыщены нашим веком до бешенства», – и писал романы о современности: в них и польское сопротивление фашизму («Европейское воспитание»), и гибель природной среды («Корни неба»), и концентрационные лагеря («Брат Океан»), и американский расизм («Белая собака»), и многое другое.

В 1956 г. за роман «Корни неба» Ромен Гари получил Гонкуровскую премию – главную литературную награду Франции. По условию, эта премия не может присуждаться одному и тому же автору дважды... Писатель нарушил это правило в 1975 г., когда ему надоело быть Роменом Гари. Но до этого еще далеко, а пока с успехом шли его фильмы, в которых играла вторая жена писателя – американская киноактриса Джин Сиберг (первой женой Гари была писательница Лесли Бланш, ставшая прототипом главной героини романа «Леди Л.»).

Джин была младше Романа на 24 года. Будущая кинозвезда родилась 13 ноября 1938 г. в маленьком городке «...в Айове, в сердце Среднего Запада, которая несомненно остается самым «старозаветно-американским» местом Америки», как описывал его Ромен Гари.

Она впервые появилась на экране в 1957 г., в фильме «Святая Жанна»; режиссер выбрал Джин из восемнадцати тысяч претенденток на эту роль. Фильм большого успеха, мягко говоря, не снискал: один гарвардский журнал назвал «Жанну» худшим фильмом 1957 г., а об игре Сиберг говорил, что она в состоянии усыпить зрителя, когда пытается изобразить святость, и выглядит безжизненной, когда играет грешницу...

Тем не менее красота Джин произвела впечатление на зрителей, и студия «Коламбия пикчерз» подписала с актрисой многолетний контракт. Впрочем, последующие фильмы тоже не приносили ей славы, пока Джин не заметил француз Жан-Люк Годар, который только собирался снимать свой первый фильм. С этого фильма – «На последнем дыхании» (1959) – началась, кстати, триумфальная карьера Жана-Поля Бельмондо. Фильм мог стать стартом и для Джин, но – не сложилось, она снялась еще в нескольких фильмах, однако повторить свой успех ей так и не удалось.

Ромен Гари встретил Джин в Лос-Анджелесе, находясь там в качестве генерального консула. В то время он писал роман «Белая собака» о расовой нетерпимости. Джин Сиберг ему представили не как актрису, а как белую женщину, увлеченную борьбой против расовой нетерпимости и угнетения женщин, – по тем временам это было очень смело и прогрессивно. Поначалу это забавляло писателя – сам он давным-давно прошел через все эти ребяческие романтические порывы. Джин казалась ему ребенком, воспитание которого всецело находилось в

его руках. Он, наверное, чувствовал себя Пигмалионом: «Посмотрите, какие книги я ей даю – Пушкин, Достоевский, Бальзак, Стендаль, Флобер, – говорил он в интервью. – Она великолепный читатель. Она всегда дочитывает книги до конца!» Сиберг злилась: «На самом деле Ромен считает меня тупой фермерской дочкой».

Однако постепенно революционные эскапады жены стали раздражать и утомлять Ромена Гари. «Джин Сиберг с четырнадцати лет состоит во всех организациях, борющихся за равноправие, что создает серьезные проблемы в наших отношениях. Поскольку я старше жены на двадцать четыре года и раньше ее прошел свою дистанцию, проделав все эти акробатические трюки, на которые толкают нас братские порывы, в возрасте от семнадцати до тридцати лет, я решительно отказываюсь еще раз пережить эту затяжную агонию. Я слишком часто расшибался и не имею никакого желания присутствовать при ее падениях...»

Кроме того, Джин постоянно финансировала каких-то темных личностей, которые объявляли себя борцами против дискриминации и войны и довольно агрессивно требовали у нее денег, «...делая ставку на ее двойное чувство вины: во-первых, кинозвезды (одного из самых презираемых существ, ибо никому на свете так не завидуют); во-вторых, лютеранки с ее обостренным ощущением первородного греха... Неплохо было бы выставить за дверь несколько черных проходимцев, взимающих с моей белой супруги налог за "виновность"».

Этими «проходимцами» были не кто иные, как представители террористической организации «Черные пантеры», которые боролись за расовое равноправие путем физического устранения белых. Джин была дружна с лидером «Пантер» Робертом Сейлом и помогала им словом и делом: пламенными речами в их защиту и деньгами, которые с безграничной щедростью жертвовала «на борьбу».

В 1970 г. это привело к несчастью, перечеркнувшему благополучие супругов. Джин ждала второго ребенка (к тому времени у них с Роменом был восьмилетний сын Диего-Александр) и, стремясь полностью посвятить себя материнству, порвала с «Черными пантерами». Однако беременность была омрачена кампанией травли, устроенной против нее в американской прессе (по некоторым сведениям, к этому приложило руку ФБР). Журналисты не только припомнили Джин все ее речи в защиту черных, но и стали утверждать, будто она ждет ребенка от Сейла, а муж просто покрывает ее грехи.

Травля продолжалась несколько недель, и в итоге Джин, которая в то время наблюдалась у психиатра, приняла слишком большую дозу снотворного, что привело к преждевременным родам и смерти младенца. Новорожденная девочка, названная Ниной в честь матери Ромена Гари, прожила всего несколько часов, а Джин больше никогда не могла стать матерью. Смерть дочери настолько повлияла на актрису, что она заказала для нее стеклянный гробик и выставила ее напоказ – пусть все видят, что у ее девочки белая кожа.

Супруги вернулись во Францию, но уже не смогли вернуться к прежней жизни. Джин тяжело переживала случившееся и несколько раз пыталась покончить с собой. Врач прописал ей снотворное и антидепрессанты, и очень скоро она впала в зависимость от таблеток, а потом перешла на тяжелые наркотики. Гари пытался бороться за нее, помещал ее в лучшие клиники, но Джин каждый раз возвращалась к пагубной привычке. В конце концов, она включилась в борьбу за права угнетенных алжирцев.

В общем, несовпадение образа жизни Джин и Ромена привело к их разрыву. «Я обнимаю Джин. Чувствую себя совсем как безутешная супруга, чей муж отправляется в крестовый поход, – писал Гари. – Но для Джин лучше, чтобы я уехал. Разница в возрасте – ужасная вещь, если вы женились на молодой женщине, которая младше вас на несколько столетий».

Сиберг продолжала работать во Франции и даже сняла фильм, но страдала сильнейшей депрессией. Каждый год, в день смерти ребенка, она предпринимала очередную попытку самоубийства. Джин снова вышла замуж в 1972 г., потом еще раз, в 1979 г. Ромен Гари продолжал поддерживать Сиберг и ее мужей материально, хотя не одобрял ни ее образа жизни, ни сомни-

тельных знакомств. «... Так бывает трудно любить женщину, которой ты не в состоянии помочь и которую не можешь ни изменить, ни покинуть».

Жизнь Джин Сиберг закончилась в 1979 г. 7 сентября 1979 г. на экраны Франции должен был выйти фильм Коста Гавраса и Ромена Гари «Свет женщины» (в нем сыграла свою последнюю роль Роми Шнайдер, незадолго до этого потерявшая сына). В тот же день в машине, припаркованной неподалеку от квартала, где жил Гари, нашли тело Джин, завернутое в одеяло. Она была мертва уже несколько дней. Смерть наступила от смертельной дозы барбитуратов. Кто завернул ее тело в одеяло и положил на заднее сиденье машины, так и осталось неизвестным.

События последних лет стали причиной глубокого личного кризиса Ромена Гари и одновременно обусловили творческий всплеск. Писатель решил зачеркнуть прошлую жизнь, и на литературную арену вышел начинающий молодой прозаик Эмиль Ажар. «Мне надоело быть только самим собой⁸, – пишет он. – Мне надоел образ Ромена Гари, который мне навязали раз и навсегда тридцать лет назад... Тридцать лет!.. Главное, я снова затосковал по молодости, по первой книге, по новому началу». Писатель-фантом Эмиль Ажар «родился», когда критика единодушно списала самого Гари в разряд устаревших литературных авторитетов.

В 1974 г. Эмиль Ажар прислал из Бразилии рукопись своего первого философского романа «Голубчик». В парижском издательстве «Галлимар» к рукописям безвестных авторов относились настороженно, но роман показался удачным, и его издали. Рецензии критиков были более чем восторженными, и уже следующий роман Ажара – «Жизнь впереди» (современная версия «Отверженных»; в книге повествуется об арабчонке Момо, которого воспитала недавняя проститутка) – в 1975 г. был удостоен Гонкуровской премии. Правда, писатель отказался от нее и на церемонию вручения не явился. «Те, кому сейчас, когда все уже давно закончилось, это еще интересно, могут заглянуть в прессу тех лет, чтобы представить себе восторги и любопытство, шум и ярость, которые поднялись вокруг имени Эмиля Ажара после выхода "Жизни впереди"», – пишет в 1980 г. Ромен Гари.

Он вообще был затворником, этот Ажар: не давал интервью, не встречался с читателями, получал гонорары почтовыми переводами. Но вскоре выяснилось, что под псевдонимом «Эмиль Ажар» скрывается русский эмигрант Поль Павлович, племянник Ромена Гари, который «... попросил Павловича, у которого было «лицо» такое, какое надо, ненадолго взять на себя роль Ажара, с тем чтобы потом исчезнуть, дав прессе вымышленную биографию и сохраняя строжайшее инкогнито. Его дело объяснить, если он когда-нибудь пожелает, зачем... он обнародовал свою подлинную биографию и почему, хотя я был против, позволил напечатать свою фотографию. С этой минуты мифический персонаж, которого я так старательно создавал, прекратил свое существование и его место занял Поль Павлович. Выяснить, кто он такой, ничего не стоило – и наше родство выплыло на свет. Я защищался, как дьявол, публиковал опровержение за опровержением, используя в полной мере свое право на анонимность, и в конце концов сумел убедить пишущую братию, причем даже без особого труда, поскольку я давно уже всем надоел и им хотелось чего-нибудь "новенького"».

Мать Павловича, как когда-то и мать Гари, бежала из России в Ниццу, где стала ювелиршей, потом разорилась, сошла с ума... И сам Павлович тоже был не в себе – несколько месяцев в год он якобы проводит в психиатрических клиниках. Но это несколько не влияет на писательский талант: из-под его пера выходят все новые бестселлеры. В одном из них – «Псевдо» (1976) – Павлович-Ажар даже нарисовал весьма нелицеприятный портрет своего знаменитого дядюшки, Ромена Гари... «Желая понадежнее обезопасить себя, я написал «Псевдо» как «автобиографический» роман Поля Павловича, и таким образом мне удалось наконец осуществить замысел романа о юношеской тревоге, о котором я грезил со времени своих двадцати лет.... Но я уже знал, что Эмиль Ажар обречен...»

⁸ Здесь и далее приведены цитаты из книги Р. Гари «Жизнь и смерть Эмиля Ажара» (перевод с франц. И. Кузнецовой).

Все в восторге от юного гения. Кстати, Гари продолжает писать, но его опусы, конечно, не идут ни в какое сравнение с чудесной прозой Ажара. «...И никто из читателей, упивавшихся книгами новомодного гения, никто из критиков, превозносивших его, не догадывался о том, что романы Ажара пишет все тот же Ромен Гари, что Поль Павлович подставное лицо и правдиво в его истории только то, что он – племянник Гари и психически больной человек. Когда я работал над своим первым «ажаровским» романом «Голубчик», я еще не знал, что опубликую его под псевдонимом. Поэтому я не таился, рукописи у меня, как обычно, валялись где попало. Одна моя приятельница, мадам Линда Ноэль, навестившая меня на Майорке, видела на столе черную тетрадь с четко выведенным на обложке названием. Потом, когда вокруг имени Эмиля Ажара, этого загадочного невидимки, поднялся шум, о котором можно получить представление, полистав газеты тех лет, мадам Ноэль безуспешно всюду ходила и говорила, что автор книги – Ромен Гари, что она это видела, видела собственными глазами. Никто и слушать ничего не желал, хотя эта благородная женщина приложила немало усилий, чтобы восстановить меня в моих правах. Но куда там: Ромен Гари никогда бы не смог такое написать! Именно это, слово в слово, заявил Роберу Галлимару один блестящий эссеист. Другой в разговоре все с тем же моим другом, который был мне очень дорог, сказал: «Гари – писатель на излете. Этого не может быть». Я как автор был сдан в архив, занесен в каталог, со мной все было ясно, и это освобождало литературоведов от необходимости разбираться в моих произведениях, вникать в них. Еще бы, ведь для этого пришлось бы перечитывать! Делать им, что ли, нечего?

Я настолько хорошо это знал, что на протяжении всей истории с Ажаром (четыре книги) ни минуты не опасался, что самый обыкновенный и несложный анализ текстов может меня разоблачить. И я не ошибся: никто из критиков не услышал моего голоса в «Голубчике». Ни один – в "Жизни впереди"».

И еще: «...По-настоящему я наслаждался плодами своей дерзости после выхода в свет «Псевдо». Притом что я изобразил там самого себя – таким, каким воображают меня критики, и все они узнали меня в персонаже дядюшки по прозвищу Тон-Тон Макут, – никому из них не пришло в голову, что это не Поль Павлович сочинил Ромена Гари, а Ромен Гари сочинил Поля Павловича».

Действительно, трудно было предположить, что один автор за пять лет мог написать семь книг – за себя, еще четыре – за вымышленного автора, а еще сценарии, статьи... Между тем Поля Павловича пригласили работать главным редактором в издательство «Меркюр де Франс», и эта работа принесла ему больше денег, чем получал Гари в качестве гонораров. Поль Павлович купался в лучах славы. А Гари – почти позабытый «живой классик» – чувствовал себя бедным родственником рядом с блестящим молодым «Эмилем Ажаром». И в начале 1980 г. он решил покончить с Ажаром. «...Почему – вероятно, удивится кто-то – я готов был дать погибнуть источнику, который еще не иссяк во мне и продолжал приносить идеи и темы? Черт побери, да потому, что он мне больше не принадлежал. Теперь вместо меня мою фантастическую эпопею переживал другой. Материализовавшись, Ажар вытеснил меня из мифа... По правде говоря, я не думаю, чтобы полное «раздвоение» было вообще возможно. Слишком глубоко уходят корни литературных произведений, и как бы далеко ни вели их ответвления, какими бы несхожими они ни казались, им не укрыться от настоящего исследования».

Решение «покончить» с Ажаром, по-видимому, стало следствием разочарования в результатах мистификации – слава Ромена Гари пошла на убыль, а Ажар, существующий отдельно от писателя, процветал.

2 декабря 1980 г. Ромен Гари застрелился, сделав это весьма театрально. Накануне самоубийства он позвонил первой жене и сказал: «Я неправильно разыграл свои карты». Оставил записку: «Никакого отношения к Джин Сибберг. Ревнителям культа разбитых сердец обращаться по другому адресу». Кроме того, добавил: «Можно объяснить все нервной депрессией».

Но в таком случае следует иметь в виду, что она длится с тех пор, как я стал взрослым человеком, и что именно она помогла мне достойно заниматься литературным ремеслом».

В общем, причины самоубийства до конца не ясны, но наиболее вероятным кажется предположение, что Гари хотел избежать старческого увядания, угасания своей литературной славы, он боялся дожить до того времени, когда голоса о том, что Ромен Гари исписался, станут совсем громкими (а он довольно наслушался подобных высказываний в период существования Эмиля Ажара). Правду о себе – и об Эмиле Ажаре – он рассказал в книге, которую написал в последний год жизни и которая согласно завещанию должна была выйти в свет через год после его смерти. Французы только тогда заметили, что обе фамилии (Гари и Ажар) в русском языке связаны образом огня: первая от «гореть», вторая от «жар».

А позже и Поль Павлович, наконец, написал свою книгу «Человек, которому верили» – историю одной из удивительнейших литературных мистификаций. Мишель Турнье, крупный французский прозаик, сказал: «Меня восхищает удача Гари. Он играл до конца».

ГАРШИН ВСЕВОЛОД МИХАЙЛОВИЧ

(род. в 1855 г. – ум. в 1888 г.)

Из мешка
На пол рассыпались вещи.
И я думаю,
Что мир —
Только усмешка,
Что теплится
На устах повешенного.

Велимир Хлебников

Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным.
А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Даже те, кто никогда не читал рассказов Всеволода Гаршина (хотя представить это достаточно сложно – сказка «Лягушка-путешественница» известна всем) и не встречал портретов писателя, вполне могут представить его лицо по знаменитой репинской картине «Иван Грозный и сын его Иван». Илья Ефимович Репин писал убиенного царевича с Всеволода Гаршина, ища не внешнего сходства, но подчеркивая их общую обреченность.

Гаршина называли «Гамлетом сердца». С принцем Датским его роднило абсолютное и мучительное неприятие малейшей несправедливости, которое превращалось для писателя в

постоянные, почти физические страдания. Сам Гаршин в конце своего одиннадцатилетнего творческого пути признавался: «Хорошо или нехорошо выходило написанное – это вопрос посторонний; но что писал я в самом деле одними своими нервами и что каждая буква стоила мне капли крови, – то это, право, не будет преувеличением».

Да и о каком преувеличении может идти речь, если 19 марта 1888 г. тридцатитрехлетний Всеволод Гаршин, страдавший серьезным душевным расстройством, во время очередного приступа бросился с площадки 4-го этажа в просвет лестницы одного из петербургских домов и через пять дней умер. Перед смертью он непрерывно повторял: «Так мне и надо».

Всеволод Михайлович Гаршин – один из наиболее выдающихся писателей семидесятых годов XIX в. – родился 2 (15) февраля 1855 г. в дворянской семье в селе Переездное, недалеко от Бахмута (ныне Артемовск). У него была дурная наследственность: дед отличался неуравновешенным, деспотичным характером, а у отца имелись явные нарушения психики: он был нелюдим, необщителен, резок и чудаковат. Так, одно время отец был одержим идеей постройки воздушной железной дороги, по всему дому висели веревочки, по которым носились маленькие вагонетки. Мать Всеволода была взбалмошной женщиной, склонной к резким перепадам настроения, не имевшим явной внешней причины. Старший брат писателя покончил с собой в возрасте 20 лет.

Так что детство Всеволода Гаршина не было счастливым и безоблачным, и он очень рано усвоил тот безнадежно-мрачный взгляд на жизнь, который определил его судьбу. Этому немало содействовало и весьма раннее умственное развитие мальчика: в семь лет он прочел «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, а перечитав его 20 лет спустя, не нашел в нем для себя ничего нового.

Болезнь у него начала развиваться еще в отрочестве: весной без видимых причин возникали депрессии, тоска с переживанием собственной измененности, идеями вины и суицидальными мыслями. Ближе к осени, также без внешних причин, настроение выравнивалось и становилось радужным, появлялось стремление к деятельности, общению, новым впечатлениям. Люди, видевшие Гаршина в обоих полюсах его болезни, говорили, что это – два совершенно разных человека. Однако и по длительности, и по глубине изначально преобладали депрессии, и именно они стали определяющими впоследствии.

В семнадцать лет у него случился первый по-настоящему серьезный приступ болезни. «...Разыгралась страшная гроза, – вспоминал он позднее. – Мне казалось, что буря снесет весь дом, в котором я тогда жил. И вот, чтобы воспрепятствовать этому, я открыл окно, – моя комната находилась в верхнем этаже, – взял палку и приложил один ее конец к крыше, а другой – к своей груди, чтобы мое тело образовало громоотвод и, таким образом, спасло все здание со всеми его обитателями от гибели». Кто-то строит иллюзии, что он властитель мира и вершитель чужих судеб, а кто-то жертвует своей жизнью ради спасения человечества и победы над мировым злом. В сущности, Всеволод Гаршин относился ко второй категории.

Болезнь развивалась, и Всеволод погрузился в экстатические переживания постижения «высшего знания, Вселенского закона»: «...я почувствовал себя переродившимся. Чувства стали острее, мозг работает, как никогда. Что прежде достигалось длинным путем умозаключений и догадок, теперь я познаю интуитивно. Я достиг реально того, что выработано философией. Я переживаю самым собою великие идеи о том, что пространство и время – суть фикции. Я живу во всех веках. Я живу без пространства, везде или нигде, как хотите...».

Через много лет Гаршин напишет страшный рассказ (или сказку) «Красный цветок», где изнутри покажет процесс нарастания безумия и распада сознания, притом настолько точно, что в психиатрии это творение с восхищением признают медицински точным клиническим описанием. Писатель и критик Н. К. Михайловский довольно язвительно прокомментировал это заявление медиков: «Мы, читатели, были, конечно, обрадованы и даже как будто польщены таким отзывом специалиста об одном из наших любимцев... Но... для нас «Красный цветок»

не только психиатрический этюд, а вместе с тем все-таки беллетристика и именно сказка, то есть нечто такое, в чем надо искать аллегории, подкладки чего-то большого, общежитейского, не вмещающегося в рамки той или другой специальной науки...»

Сюжет этой страшной сказки таков: пациенту сумасшедшего дома представляется, что цветок мака, растущий в больничном саду, является средоточием всего мирового Зла. Борьба с цветком Зла требует концентрации всех духовных и физических сил, преодоления многих реальных и воображаемых препятствий. Но больной верит в свою миссию спасения человечества, выполнить которую под силу только ему одному. И тогда он жертвует собой во имя Добра: «Утром его нашли мертвым. Лицо его было спокойно и светло; истощенные черты с тонкими губами и глубоко впавшими закрытыми глазами выражали какое-то горделивое счастье. Когда его клали на носилки, попробовали разжать руку и вынуть красный цветок. Но рука заочнела, и он унес свой трофей в могилу».

В 1864 г. Гаршин поступил в петербургскую гимназию, а по окончании, в 1874 г. – в горный институт. День объявления Россией войны Турции Гаршин, студент горного института, встретил так: «12 апреля 1877 г. я с товарищем готовился к экзамену по химии. Принесли манифест о войне. Наши записки остались открытыми. Мы подали прошение об увольнении и уехали в Кишинев, где поступили рядовыми в 138-й Волховский полк и через день выступили в поход...» (Позже этот поход Гаршин опишет в рассказе «Из воспоминаний рядового Иванова».)

11 августа в сражении под Аясларом (Болгария) «рядовой из вольноопределяющихся В. Гаршин примером личной храбрости увлек вперед товарищей в атаку, во время чего и ранен в ногу». Рана была неопасная, но в дальнейших военных действиях он участия не принимал.

В мае 1878 г. Гаршин был произведен в офицеры, но не стал продолжать военную карьеру своего деда – отставного моряка и отца – офицера кирасирского полка, участника Крымской войны, и по состоянию здоровья вышел в отставку. После этого он с полгода пробыл вольнослушателем филологического факультета Петербургского университета, а затем отдался литературной деятельности, которую незадолго до того начал с блестящим успехом.

Если считать началом первый рассказ, то на весь литературный путь Гаршину было отпущено 11 лет. Однако без его военной прозы «...невозможно представить не только лучшие произведения писателей – участников Великой Отечественной войны (В. Астафьева, В. Некрасова и др.), но и военные страницы А. Куприна, Е. Замятина, Л. Леонова, А. Толстого, М. Шолохова...» – пишут критики конца XX века.

Вот как, например, описывает Всеволод Гаршин движение армии к месту будущих сражений: «Мы обходили кладбище, оставляя его вправо. И казалось мне, что оно смотрит на нас сквозь туман в недоразумении. «Зачем идти вам, тысячам, за тысячи верст умирать на чужих полях, когда можно умереть и здесь, умереть покойно и лечь под моими деревянными крестами и каменными плитами?.. Оставайтесь!»

Но мы не остались... Каждый отдельно ушел бы домой, но вся масса шла, повинясь не дисциплине, не сознанию правоты дела, не чувству ненависти к неизвестному врагу, не страху наказания, а тому неведомому и бессознательному, что долго еще будет водить человечество на кровавую бойню – самую крупную причину всевозможных людских бед и страданий...»

По складу своей души Гаршин был натурой необыкновенно гуманной, но он не верил ни в торжество добра, ни в то, что победа над злом может доставить душевное равновесие. Жизненный и творческий путь писателя слились воедино и находились в гармонии (если это слово применимо к болезни), хотя сам он считал писательство тяжелой ношей, истощающей его душевные силы и сводящей с ума. В творчестве Гаршина отразился тот душевный разлад, который и составлял основу его личности: острое ощущение своей уникальности, богоизбранности, желание осчастливить человечество (на подъеме настроения) и вселенское чувство вины и покаяния (в депрессиях) красной нитью проходят через все его творчество.

Первое же художественное произведение – «Четыре дня» – отразило именно эту сторону его души. Если Гаршин и пошел на войну, то лишь потому, что ему казалось стыдно не помочь братьям, изнывавшим под турецким игом. Но достаточно оказалось первого же знакомства с театром военных действий, чтобы понять весь ужас истребления человеком человека. К «Четырем дням» примыкают рассказы «Трус» и «Из записок рядового Иванова» – такой же глубоко прочувствованный протест против войны.

Искренний гуманизм проявился и в рассказе Гаршина «Происшествие», где без всякой сентиментальности он описал человеческую душу на крайней ступени нравственного падения. Рассказ, написанный в форме дневников, передает историю отношений падшей женщины и маленького чиновника, оканчивающуюся самоубийством последнего.

Даже в почти юмористической сказке «То, чего не было» рассуждения компании насекомых, собравшихся на лужайке потолковать о целях и назначении жизни, кончаются тем, что приходит кучер и сапогом раздавливает всех участников беседы. Пожалуй, единственная светлая и оптимистическая вещь в его творчестве – детская сказка «Лягушка-путешественница» (как ни странно, в индийской легенде, сюжет которой Гаршин позаимствовал для своей сказки, финал оказывается более трагичным).

Вообще в творчестве писателя, как и в нем самом, жила глубокая потребность в борьбе со злом, которая ярко раскрылась в рассказе «Художники». Он доказывал, что нравственно-чуткий человек не может спокойно предаваться эстетическому восторгу творчества, когда вокруг так много страданий. При этом Гаршин, как справедливо отмечает Ю. Айхенвальд, «ничего больного и беспокойного не вдохнул в свои произведения, никого не испугал, не проявил неврастения в себе, не заразил ею других...».

Когда-то В. Г. Короленко в разговоре с А. П. Чеховым коснулся темы болезни Всеволода Михайловича, предположив, что если бы его можно было оградить «от мучительных впечатлений нашей действительности, удалить на время от литературы и политики, а главное – снять с усталой души то сознание общественной ответственности, которое так угнетает русского человека с чуткой совестью...», то его больная душа могла бы прийти в состояние равновесия. На что Чехов с категоричностью врача ответил: «Нет, это дело непоправимое: раздвинулись какие-то молекулярные частицы в мозгу, и уж ничем их не сдвинешь...».

Но в своем творчестве Гаршин всеми силами пытается соединить, связать распавшиеся «молекулярные частицы» современного ему мира, морали, общества, государства: «...захотелось той чистой и простой любви, которую знают только дети да разве очень уж чистые, нетронутые натуры из взрослых... Господи! хоть бы какого-нибудь настоящего, неподдельного чувства, не умирающего внутри моего Я! Ведь есть же мир!..» – пишет он в рассказе «Ночь».

А тем временем здоровье писателя ухудшалось, и в 1880 г. вновь появились серьезные признаки психического расстройства. Сперва оно выражалось таким образом, что трудно было определить, где кончается высокий строй души и начинается безумие. Так, тотчас после назначения графа Лорис-Меликова начальником «верховой распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия»⁹ Гаршин отправился к нему поздно вечером и добился свидания. Во время разговора, продолжавшегося более часа, он вел себя «с лихорадочным иступлением», делал опасные признания и просил помиловать и простить всех революционеров и террористов. Граф отнесся к писателю чрезвычайно ласково, но не подписал ни одного оправдательного приговора. В ответ на это Гаршин пригрозил исцарапать его ногтями, под которыми спрятаны пузырьки с ядом. Обезумевшего от отчаяния писателя вывели.

⁹ Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия учреждена в России 12 февраля 1880 г. (после взрыва в Зимнем дворце, произведенного 5 февраля С. Н. Халтуриним) для руководства борьбой с революционным движением. Она просуществовала полгода и в августе 1880 г. была упразднена.

Не получив желаемого в Петербурге, Гаршин отправился с проектами всепрощения сначала в Москву к обер-полицеймейстеру генералу А. А. Козлову, потом в Тулу. Оттуда он пешком проследовал в Ясную Поляну к Льву Толстому, с которым провел целую ночь в восторженных мечтаниях об устройстве счастья всего человечества.

Через некоторое время душевное расстройство Всеволода Гаршина приняло такие формы, что родным пришлось поместить его в харьковскую психиатрическую клинику. После лечения его рассудок несколько прояснился, причем писатель сохранил критическое отношение к болезненным переживаниям острого периода. Характер болезни изменился: усилился тревожный компонент, главенствующим стал страх нового приступа, т. к. Гаршин не только в мельчайших подробностях помнил содержание своего психоза, но и страшился мучений пребывания в «скорбном доме» (основными методами лечения по тем временам были пиявки, шпанские мушки, а также литье холодной воды на темя – старинная китайская пытка, призванная свести человека с ума).

Чтобы иметь хоть какой-то нелитературный заработок, Гаршин поступил в контору бумажной фабрики, а затем получил место в системе русских железных дорог. Тогда же он женился на Надежде Михайловне Золотило-вой, которая была врачом-психиатром, и почувствовал себя, по собственному признанию, «более уверенным в жизни», хотя временами на него наваливалась глубокая, беспричинная тоска.

В начале 1887 г. вновь проявились угрожающие симптомы: бессонница, бред, лихорадочное бормотание непонятных слов... Болезнь развивалась стремительно, и 19 марта 1888 г. Гаршин бросился в лестничный пролет. Он умер через пять дней. Его похоронили на Волковом кладбище, которое когда-то было местом погребения бедных.

Однако в 1802 г. здесь был похоронен Александр Радищев, позже – Виссарион Белинский, Николай Добролюбов, Дмитрий Писарев. И в конце концов кладбище стало традиционным местом погребения писателей, ученых, деятелей культуры, государственных и общественных деятелей. Здесь покоятся Тургенев, Салтыков-Щедрин, Гончаров, Лесков, Куприн, Андреев, Блок, Лозинский, Берггольц, Менделеев, Павлов, Миклухо-Маклай, Бехтерев, Попов, Иоффе, Акимов, Бенуа, Ваганова, Петров-Водкин, Симонов и др.

После похорон Всеволода Гаршина дорожка к могилам через деревянные Надтрубные мостки стала называться «Литераторскими мостками», позже это название распространилось на всю прилегающую территорию кладбища.

«...В последний раз я беру в руки и рассматриваю начатую работу. Она оборвалась и лежит мертвая, недоношенная, бессмысленная. Вместо того чтобы кончить ее, ты идешь, с тысячами тебе подобных, на край света, потому что истории понадобились твои физические силы. Об умственных забудь: они никому не нужны.

Что до того, что многие годы ты воспитывал их, готовился куда-то применить их? Огромному, неведомому тебе организму, которого ты составляешь ничтожную часть, захотелось отрезать тебя и бросить. И что можешь сделать против такого желания ты, ...ты, палец от ноги?!»

ГИТЛЕР АДЛЬФ

(род. в 1889 г. – ум. в 1945 г.)

«Ужасный феномен, производящий сильное впечатление своей поистине гранитной грубостью и бесконечной убогостью; он напоминает первобытного каменного истукана... в окружении гнойной мусорной кучи: старых жестянок и дохлых паразитов, огрызков, яичной скорлупы и навоза – интеллектуальных объедков столетий».

Хью Рейнцолд Тревор-Ропер

...Когда-то жители Браунау гордились тем, что их городок – родина человека, покорившего всю Европу. В доме на Линценбургер Форштадт, где он появился на свет, открыли музей, у которого несли почетный караул отличники в форме гитлерюгенда, а саму улицу переименовали в Гитлерштрассе.

Сегодня в «Исторической хронике Браунау» о Гитлере нет ни слова, а год его рождения вообще не упоминается: за 1888 г. следует 1890-й. В школьных учебниках то же самое: дата рождения Гитлера есть, место не упомянуто... Ни на одной открытке с видами городка нет той самой улицы, только церковь и городская площадь. Гитлера попросту не было. Не было и все.

Но Гитлер был. Об этом напоминают свастики, до сих пор появляющиеся на наших домах; оскверненные могилы; нетерпимость и самосуды бритоголовых... До сих пор по нему меряют преступления тиранов в разных странах мира, а его имя вошло в историю как синоним абсолютного зла. Стечение обстоятельств вознесло Гитлера на вершину власти, а для его свержения потребовались объединенные усилия всего мира.

И вот чудеса столь ненавидимой Гитлером демократии – он пришел к власти законным путем, использовав экономическую депрессию и волну фашизма, шедшую через Европу после Первой мировой войны. Он стремился к смерти и саморазрушению – и был, в конечном счете, побежден, но сначала его варварское господство разрушило Германию, разорило другие европейские страны и погубило миллионы человек.

* * *

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 г. в приграничном городке Браунау-на-Инн в семье 52-летнего таможенника Алоиса Шикльгрубера и 29-летней крестьянки Клары Пёльцль.

Хотя до австрийской столицы было рукой подать (всего-то 80 км), места эти считались глухоманью. Здесь нередки были браки между родственниками, иногда довольно близкими, но на них смотрели сквозь пальцы, так же как и на внебрачных детей. Вот и отец будущего фюрера Алоис Шикльгрубер появился на свет вне брака; его мать, Анна-Мария, вышла замуж за Иоганна Георга Гидлера, когда мальчику исполнилось 5 лет, а через несколько лет умерла. Очевидно, супруги Гидлер злоупотребляли алкоголем – по словам соседей, у них не было даже кровати, и они спали в корыте, из которого кормили скот.

Кто был отцом Алоиса – Иоганн Георг Гидлер, его родной брат Иоганн Непомук Гюттлер, в семье которого воспитывался Алоис, или лавочник, у которого служила Анна-Мария, – достоверно неизвестно. Как бы то ни было, в 1874 г. Алоиса усыновил его дядя – Иоганн Непомук Гюттлер, давший Шикльгруберу свою фамилию. При усыновлении фамилия Алоиса была записана в церковную книгу на слух, и он стал Гитлером¹⁰.

Алоис Шикльгрубер был женат трижды: первый брак окончился уходом из семьи и повторной женитьбой после смерти первой жены. Вторая жена тоже вскоре умерла. В третий раз он женился на своей племяннице Кларе – внучке Иоганна Непомука Гюттлера, на что пришлось просить разрешения Церкви (интересно, что Клара после замужества продолжала звать Алоиса дядей).

Первый брак Алоиса был бездетным, от второго в живых осталось двое детей – Алоис и Ангела. Третья жена родила ему пятерых детей, но лишь двое из них достигли зрелости – Адольф и его младшая сестра Паула (под фамилией Вольф она дожила до 1960 г.).

Адольф крайне холодно относился к родственникам. Единственным человеком, к которому он питал родственные чувства, была его сестра Ангела Гитлер (по мужу Раубаль). Когда Гитлер стал влиятельным человеком, он вызвал овдовевшую к тому времени Ангелу и сделал ее своей экономкой; она вела хозяйство Гитлера и в Мюнхене, и в его резиденции в Баварских Альпах.

Подытоживая сведения о предках Адольфа Гитлера, можно сказать, что со стороны отца его наследственность была отягощена алкоголизмом. Отец был вспыльчивым, грубым, педантичным, склонным к насилию и жестокости по отношению к детям и жене человеком. Адольф боялся его и вспоминал как пьяного садиста, пропивавшего семейные деньги. Однако послевоенные биографы Гитлера показали, что миф о тиране-отце и страдальце-сыне не соответствует действительности. Алоис Шикельгрубер был всего лишь обывателем, которому удалось подняться выше своих родителей, выскочить из ремесленников в чиновники. Он умер, когда Адольф был еще ребенком, успев, однако, вложить в него чувство превосходства и веру в право силы.

¹⁰ Надо сказать, что если бы усыновления не произошло, то вряд ли бы Германия обрела фюрера – дело в том, что фамилия Шикльгрубер для немецкого уха звучит довольно юмористически и сочетается с понятием «вождь нации» примерно так же, как фамилия Пушкин со словами «великий русский поэт Александр Сергеевич...».

Мать Адольфа Гитлера была тихой работающей женщиной, которая никогда не улыбалась. Она аккуратно вела домашнее хозяйство и всячески угождала мужу. Адольф был ее любимым ребенком, несмотря на то, что она считала его помешанным (а быть может, и благодаря этому). Она баловала его, уверяя, что он не такой, как все, и Адольф рос вздорным и обидчивым ребенком. Мать заронила в него веру в мессианскую роль и величие, как бы компенсируя собственную нереализованность.

В шесть лет Адольфа определили в школу. В младших классах он успевал хорошо, но затем, в средней (реальной) школе в г. Линц, его оценки резко ухудшились. Не имея никакого интереса к учебе, он оставался на второй год и переходил из класса в класс только после переэкзаменовок. Влияние на Гитлера оказал, пожалуй, лишь учитель истории – фанатичный немецкий националист (став диктатором, Гитлер утверждал, что именно в школе проник в суть исторической науки, хотя его оценки по предмету были весьма низкими).

В 1905 г. Гитлер оставил школу, не получив полного образования. По одной из легенд, он якобы тяжело заболел легочным заболеванием – во всяком случае, сам Гитлер объяснил в «Майн кампф» свой уход из реального училища именно этим, но никаких данных о его недуге не обнаружено. Другая легенда, также распространявшаяся будущим фюрером, гласила, что Адольфу пришлось покинуть школу, поскольку после смерти отца семья Гитлер впала в нищету. Однако эта версия также несостоятельна.

Бросив школу, Гитлер два с лишним года бездельничал, с презрением отвергая все предложения найти работу. Он рисовал, посещал театр, сочинял стихи и даже брал уроки игры на рояле. В те времена, как писал биограф Гитлера К. Хайден, тот «был почти элегантен», носил «черную шляпу с широкими полями и неизменные черные лайковые перчатки, ходил с черной тростью, украшенной набалдашником из слоновой кости, в черном костюме, а зимой – в черном пальто на шелковой подкладке».

С юношеских лет Адольф был поклонником Вагнера, германской мифологии и приключенческой прозы Карла Мая. Мальчиком Гитлер любил смотреть на красивых девушек, пирожные и пикники, ему нравились долгие разговоры за полночь; эти пристрастия сохранились и даже усилились в зрелости.

Родители Гитлера видели сына чиновником, но он мечтал стать художником. И вот в 1907 г., получив причитающееся ему после смерти отца наследство, Гитлер, несмотря на тяжелую болезнь матери, уехал в Вену – поступать в Академию художеств. Экзамен он провалил. И хотя в Линце осталась больная раком мать, Гитлер продолжает жить в Вене. По одним сведениям, он приехал в Линц уже после смерти матери, но его друг, некто Кубичек, утверждал, что, когда она стала совсем беспомощной, Адольф приехал ухаживать за ней. Однако словам Кубичека нельзя верить, ибо все воспоминания должны были соответствовать официальному образу Гитлера.

Гитлер провалился и в 1908 г., точнее, его вообще не допустили к экзамену. Ректор Академии художеств посоветовал Гитлеру попытать счастья в архитектурном училище, но там требовался аттестат зрелости, которого Адольф так и не получил, поскольку бросил школу.

Гитлер, тем не менее, остался в Вене, назвав впоследствии пребывание в столице «несчастнейшим временем» своей жизни. Он постепенно опускался, переселяясь из ночлежки в ночлежку, и прожил таким образом до 1913 г. Поначалу он перебивался случайными заработками, но под конец своего пребывания в столице стал малевать картинки с изображением венских красот, которые сбывал продавцам рамок и мебельщикам, – те наклеивали аляповатые рисунки на спинки диванов и кресел. Весь этот товар Гитлер сбывал с помощью некоего Ханиша, с которым вскоре порвал, обвинив в краже (через годы Гитлер приказал избавиться от него как от свидетеля «падения» «великого фюрера»).

Годы пребывания в Вене во многом повлияли на мировоззрение будущего диктатора: там, по его словам, он научился ненавидеть, и ему осталось только добавить некоторые детали к

приобретенным «великим идеям» (животный антисемитизм, ненависть к демократам, интеллигенции и ученым, вера в необходимость расширения жизненного пространства для Германии). Сильнейшее влияние на Гитлера оказали взгляды бургомистра Вены Люгера, а также сочинения фон Либенфельса (Ланца), утверждавшие необходимость очищения арийской расы путем порабощения или убийства «недочеловеков». Его характер формировался под воздействием разочарований, враждебности и ненависти, источником которых были безвестность и неудачи.

В мае 1913 г. Гитлер уехал в Мюнхен и, несмотря на то что был признан не годным к военной службе, в августе 1914 г. добровольцем отправился на фронт, где стал связным. Он прошел всю войну, дослужился до звания ефрейтора, был дважды ранен и дважды награжден «Железным крестом» за храбрость. Война также оставила глубокий след в его жизни: он познал жестокость и научился ее использовать.

После заключения унизительного для Германии перемирия Гитлер вернулся в Мюнхен и стал тайным осведомителем, который «курировал» политические партии. Одним из заданий стала «разработка» Немецкой рабочей партии. Эта партия не имела внятной программы, ее казна насчитывала несколько марок, но Гитлера поразило совпадение партийных идей с его собственными. По настоянию военного начальства он вступил в партию под № 55, а позднее стал № 7 ее исполнительного комитета.

Через некоторое время Гитлер ушел из армии, чтобы посвятить себя становлению партии. Условия для этого в Германии той поры были самые благоприятные: крайнее недовольство экономическим положением и лютая ненависть к победившему противнику. На протяжении последующих двух лет Гитлер добился почти абсолютной власти в партии и изменил ее название. Теперь партия называлась Национал-социалистической немецкой рабочей партией (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei; NSDAP).

Идеи, выношенные еще в Вене, Гитлер выразил в 25 пунктах партийной программы, оглашенной 24 февраля 1920 г.: антисемитизм, крайний национализм, превосходство арийской расы, презрение к демократии и принцип фюрерства. Программа привлекала любого, у кого был хоть малейший повод для недовольства, а их в Германии хватало. Большинство идей Гитлера не были новы, но он умел преподносить их весьма зрелищно и красноречиво.

Он дал нацистской партии символ – свастику и приветствие «Хайль!», позаимствовав и то и другое у своих предшественников. Для пропаганды партийных взглядов он купил газету «Фелькишер беобахтер», а для охраны партийных сборищ организовал штурмовые отряды СА (Sturmabteilung) под командованием своего ближайшего друга капитана Эрнста Рема. Другая организация – СС (Schutzstaffel), стала личной гвардией Гитлера, а ее члены клялись сражаться за своего фюрера до последней капли крови.

В 1923 г. Гитлер решил, что настала пора идти «походом на Берлин» и свергнуть «предателей нации», и 8 ноября 1923 г. в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер» провозгласил начало «национальной революции», вошедшей в историю как «Пивной путч». На следующий день партийные лидеры возглавили колонну нацистов, шедшую к центру города. Им преградил путь полицейский кордон, открывший огонь по демонстрантам; Гитлеру удалось спастись бегством. «Пивной путч» провалился и освещался прессой преимущественно в виде карикатур на Гитлера в юмористических и сатирических разделах.

Однако Гитлер, привлеченный к суду за государственную измену, защищал себя сам и превратил скамью подсудимых в пропагандистскую трибуну. Он был приговорен к пяти годам лишения свободы, но вышел из Ландсбергской тюрьмы по амнистии через девять месяцев, за которые надиктовал Рудольфу Гессу первый том книги «Четыре с половиной года борьбы против лжи, глупости и трусости». Она вышла под названием «Моя борьба» (Mein Kampf). К 1939 г. эта книга была переведена на 11 языков, ее общий тираж составил более 5,2 млн экземпляров. Гитлер разбогател.

Тюрьма дала ему понять – идти к власти нужно законным путем. На протяжении последующих лет он упорно добивался ее – жестокостью, хитростью, подкупом, интригами, ложью, игрой на измененных инстинктах толпы, – но никогда не переходя рамок закона (во всяком случае явно). Гитлер постепенно сместил руководителя партии Штрассера и к 1930 г. стал бесспорным и бессменным лидером нацистского движения Германии.

Шаг за шагом Гитлер добился поста канцлера Германии, а потом обвинил коммунистов в поджоге рейхстага и диктаторских полномочиях. Поджог рейхстага в ночь на 27 февраля 1933 г. стал предлогом для устранения политических противников и укрепил почву для установления тоталитарной системы. Формально виновным в поджоге был признан бродяга, состоявший одно время членом коммунистического клуба в Голландии, но было очевидно, что пожар устроили сами нацисты.

24 марта 1933 г. был принят Закон «О защите народа и рейха», который фактически лишал Германию парламентаризма и на 4-летний срок передавал все функции рейхстага правительству. Не прошло и нескольких месяцев, как все до одной партии, кроме НСДАП, были запрещены, профсоюзы распущены, а все население вовлеклось в бесчисленные нацистские союзы и организации. Гитлер укреплял свою власть, широко используя террор: тех, кто пытался протестовать против его правления, арестовывали и уничтожали. Он создавал послушное правительство, подчинял законодательство, образование и религию своим интересам и болезненному тщеславию. «Хайль Гитлер!» стало обязательной формой приветствия, свастика превратилась в символ нацистского государства, «Хорст Вессель» стал официальным гимном.

На пути к абсолютной диктатуре оставалось единственное препятствие – радикальные элементы внутри самой НСДАП, группировавшиеся вокруг СА и капитана Эрнста Рема. 30 июня 1934 г. произошла резня, известная как «Ночь длинных ножей». Гитлер вылетел в Бад-Висзее, где в частном санатории находился Эрнст Рем. Рем был арестован, и два дня спустя Гитлер предложил ему покончить с собой. Тот отказался и был застрелен. В это же время в Берлине были казнены около 150 высших руководителей СА. «В те часы, – вспоминал Гитлер, – я чувствовал себя высочайшим судьей германской нации».

Много позднее, в 1968 г., события «Ночи длинных ножей» были положены в основу пьесы Юкио Мисимы «Мой друг Гилер», главным персонажем которой стал вождь штурмовиков Эрнст Рем. В день премьеры зрители получили листки со следующим текстом: «Опасный идеолог Мисима посвящает эту зловредную оду опасному злодею Гитлеру, хотя Мисиму не интересовала идеология немецкого национал-социализма, равно как и фигура Адольфа Гитлера. Несмотря на точность в воспроизведении канвы событий, автора меньше всего заботит историческая правда; Мисима любит тему, как сильная личность, художник Гитлер, растаптывает в себе человеческие чувства, поднимаясь на некую «высшую ступень», достигая новых высот зла».

Из этой бойни Гитлер вышел непререкаемым диктатором Третьего рейха и после смерти рейхспрезидента Гинденбурга 2 августа 1934 г. отменил этот пост, присвоив себе звания фюрера и канцлера. Все армейские офицеры обязаны были присягнуть на верность лично Адольфу Гитлеру. Он вознесся на вершину мира: «Когда-то в Европе был только один прусак, он жил в Риме. Потом появился второй, в Мюнхене. Это был я»; «Каждый, входящий в рейхсканцелярию, должен чувствовать, что посетил властителя мира».

С этого момента основной заботой Гитлера стало проведение политики полного подчинения высших должностных лиц, осуществление системы террора – достигнув высшей власти, Гитлер страшился ее утратить, а потому организовал в стране сложнейшую систему слежки и доносительства.

Гитлер стремился не только к диктатуре. «Наша революция, – подчеркивал он, – не завершится до тех пор, пока мы не дегуманизируем людей». С этой целью он учредил тайную полицию (гестапо), создал концентрационные лагеря, министерство народного просвеще-

ния и пропаганды. Евреи, объявленные злейшими врагами человечества, были лишены прав и подвергались публичным унижениям. Германия превратилась в сплошной концлагерь. Агенты гестапо врываются в дома среди ночи. Преступления – от ограбления до убийства – называли «политикой» во имя «национальной революции». Смещались с постов профессора университетов, а на их место назначались некомпетентные нацистские чиновники. Ценность образования была низведена до низжайшего уровня, сжигались книги, уничтожались шедевры искусства – и все во имя процветания новой Германии.

Будучи человеком с нарушенной психикой, Гитлер обнаружил в душевном состоянии германского народа, пережившего шок от поражения в Первой мировой войне, отражение собственного душевного нездоровья, крайнего расстройств, враждебности и агрессивности. Всю жизнь он, австриец, упрямо олицетворял себя с немецким народом и, будоража его своими гипнотическими ораторскими способностями и злобной пропагандой, находил в этом отдушину для собственной ненависти и честолюбия.

Он мстил мировой цивилизации и немецкой культуре за то, что его не признали как художника: были запрещены книги великих Гете и Гейне, музыканты исполняли только Вагнера, вычеркнув из репертуара Моцарта и Бетховена (не говоря уже о всяких там «неарийских» бизе, верди и Чайковских). Любой обыватель чувствовал себя полубогом просто потому, что был «арийцем»; перед ним меркли все гении человечества: ничего не стоила Нобелевская премия Эйнштейна, фильмы Чаплина, философия Гегеля, картины импрессионистов... Гитлер сам определял, что писать и как писать, что изображать на картинах и как изображать, что ваять и как ваять. И горе тому, кто осмеливался нарушать предписания фюрера! Не только искусство, но и наука подлежала «нацификации». Гитлер считал себя великим ученым, сведущим во всех науках, и не стеснялся высказывать самые сумасбродные идеи. Он заявлял, что рак вызывается пищевым отравлением, а кратеры на Луне образовались в результате ее столкновения с другими «маленькими лунами»; что за 10 тысяч лет до нашего летосчисления произошло столкновение Луны с Землей; что конструкция велосипеда соответствует «законам природы», а конструкция воздушного шара – «противоестественна», и т. д., и т. п.

Гитлер свысока смотрел на любой предмет – от пищи до политики, от музыки до чистоты расы, отказываясь воспринимать чужие мысли. Самонадеянно доверяя собственной интуиции, он отвергал научные факты. Живя в придуманном им самим мире, он отбрасывает любую идею, не соответствующую его представлениям и невнятным монологам.

Из Германии и Австрии бежали величайшие умы, лучшие артисты, художники – и все это служило поднятию духа нации, наливавшейся пивом и хором исполнявшей «Хорст Вессель». В Нюрнберге проводились слеты: многотысячные колонны маршировали в буйстве красок от флагов и штандартов, заполняли громадный стадион, чтобы услышать слова диктатора, который, произнося речи, впадал в экстатическое состояние.

Популярность Гитлера в Германии не уступала популярности именитых кинозвезд. Любовные письма приходили к нему буквально мешками, многие женщины хотели родить от него ребенка. Но... Гитлер не имел прочных отношений с женщинами почти до сорокалетнего возраста – в «доисторический» период они не играли в его жизни никакой роли, и даже вездесущие журналисты не смогли разыскать хотя бы одну, связанную с ним в прошлом. Он был просто не способен к нормальной человеческой близости.

Сам Гитлер, конечно, считал, что проблема не в нем – просто не было женщины, достойной его. Он был абсолютным шовинистом по отношению к противоположному полу, пряча за враждебностью свой страх перед зрелыми отношениями: «...самая «высшая» женщина бесконечно ниже самого «низшего» мужчины. Это «ничто» стремится достигнуть «бытия», которым для нее может стать только мужчина. Женщина может существовать в двух ипостасях: мать и проститутка... Мир нормальной женщины – это мужчина и только мужчина».

Тем не менее, в 1928 г. в его жизни появилась женщина. Тридцатидевятилетний Адольф предложил своей овдовевшей сестре Ангеле Раубаль стать у него экономкой, и она прибыла с дочерьми – Фридл и Гели, в последнюю из которых Гитлер влюбился чуть ли не с первого взгляда. Гели – совсем молоденькая девушка – по свидетельству знавших ее, была жизнерадостной и уравновешенной особой.

Гитлер завел с ней – своей племянницей – роман, что вызывало недоумение соратников, которые пытались говорить об этом фюреру, но это вызывало лишь вспышки неконтролируемой ярости. Это была, в общем-то, кровосмесительная связь, которая повторяла модель отношений отца Адольфа с его матерью Кларой: скованный различными комплексами, Гитлер мучился ревностью и собственническими чувствами.

Такие нездоровые отношения не могли закончиться нормально. Существует несколько версий развития событий. По одной из них, 18 сентября 1931 г. Гели ушла от фюрера единственно возможным способом – застрелилась в своей комнате. По другой версии, Гитлер убил свою племянницу собственноручно в припадке ярости, что косвенно подтверждается словами патера Палста: «Я сам хоронил Ангелику Раубаль... Никогда я не разрешил бы похоронить самоубийцу в святой земле. Из того, что я похоронил ее по христианскому обряду, вы можете сделать выводы, которые... я не могу вам сообщить».

После ее смерти Гитлер отказался от употребления алкоголя и стал абсолютным вегетарианцем. Ему хотелось окружить себя красавицами, но он опасался слишком близкой привязанности. Наконец Гитлер обратил внимание на Еву Браун – помощницу фотографа Гофмана, летописца нацизма.

Гитлер обладал абсолютным влиянием на нее. Ева Браун отлично вписалась в среду гитлеровской резиденции, куда была введена как любовница фюрера. Она неизменно держалась в тени, отгородившись стеной молчания – прислуге было запрещено разговаривать с ней, кроме как по необходимости. Хотя Ева Браун и входила в ближайшее окружение, но ее отсылали в апартаменты всякий раз, когда появлялись важные гости. Очень немногие в Германии вообще знали о ее существовании. Ева Браун мало интересовалась политикой, предпочитая уделять больше внимания спорту, чтению романов и просмотру кинофильмов. Единственной целью в жизни стало для нее – быть полезной фюреру. Ее участием было печально ожидать возвращения своего хозяина, причем страдала она так сильно, что несколько раз пыталась покончить с собой.

Гитлер окончательно уверился в своей божественной миссии и говорил о себе как о высшем существе: «Я никогда не ошибаюсь. Каждое мое слово – историческое». В 1936 г. он заявил: «Я иду с уверенностью лунатика той дорогой, которой ведет меня провидение». Накануне Второй мировой войны Гитлер с самым серьезным видом утверждал, что нападение на Польшу надо совершить как можно скорее, пока он находится в «расцвете сил». «В качестве причины, – сказал он, – я привожу мою собственную личность. Это решение тесно связано со мной, с моим существованием, с моим политическим даром...» И далее: «То, что я существую, – важнейший фактор».

А мировая общественность словно не замечала происходящего в Германии: Гитлер демонстративно поправ Версальский договор, вышел из Лиги Наций, вооружил страну, создал Люфтваффе (военно-воздушные силы). В 1935 г. Англия подписала с Германией военно-морской пакт. В 1936 г. Гитлер заключил союз с Муссолини. В марте 1938 г. Гитлер вторгся в Австрию и присоединил ее к Германии, при полной поддержке местного населения. В сентябре 1938 г. Англия и Франция дали согласие на раздел Чехословакии, и Германия присоединила к себе всю ее западную часть. 23 августа 1939 г. СССР и Германия заключили договор о ненападении, содержащий в себе протокол о разделе Польши. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Началась Вторая мировая война, ставшая трагедией для народов, подвергшихся

геноциду. Только в самой Германии в концентрационных лагерях погибли миллионы евреев и славян, которых Гитлер планировал превратить в нацию рабов.

22 июня 1941 г. Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война, унесшая десятки миллионов жизней и коснувшаяся практически каждой советской семьи – гибелью, голодом, эвакуацией или концлагерем... В декабре 1941 г. гитлеровские войска были остановлены под Москвой, а в 1942 г. потерпели сокрушительный разгром под Сталинградом. В 1943 г. на Курской дуге Советский Союз переломил ход войны в свою пользу. Победы советских войск подтолкнули союзников по антигитлеровской коалиции открыть второй фронт.

20 июля 1944 г. несколько высших военных и гражданских должностных лиц попытались осуществить покушение на Гитлера во время совещания в его прифронтовой ставке в Растенбурге. Была принесена бомба с часовым механизмом, которая взорвалась во время совещания. Отделавшись легкими повреждениями, Гитлер учинил страшную месть заговорщикам. Спасение от гибели лишь укрепило его в сознании своего избранничества, он уверился, что немецкая нация не погибнет, пока он будет оставаться в Берлине.

16 января 1945 г. Гитлер окончательно перенес свою ставку в Берлин, в подземный бункер. К середине апреля стало ясно, что Германия проиграла войну, но Гитлер, потерявший чувство реальности, продолжал утверждать, что конец Третьего рейха не предрешен, что к Берлину идут новые армии, что у него есть «секретное оружие», которое изменит ход войны. Он проводил многие часы над картами боевых действий, перемещая разноцветные булавки и определяя дислокацию подразделений, которых уже не существовало.

15 апреля к Гитлеру присоединилась Ева Браун. Когда он приказал ей покинуть бункер, она не подчинилась, сказав: «Германия без Адольфа Гитлера непригодна для жизни».

20 апреля он отметил свой 56-й день рождения в кругу ближайших сподвижников. К этому времени Гитлер находился в состоянии крайнего нервного истощения, двигался как дряхлый старик, и, несмотря на все старания докторов, его здоровье стремительно ухудшалось. Все, за исключением Геббельса, Бормана и секретарей, начали покидать фюрера, но он продолжал верить в окончательную победу, видя себя последним бастионом, сдерживающим большевизм.

22 апреля Гитлер наконец заявил: «Война проиграна». Признав поражение, он решил покинуть этот мир в вагнеровском стиле. «Германия также должна покончить с собой, – говорил он. – Немцы оказались недостойны моего гения и обречены на проигрыш в борьбе за жизнь». Фюрер искренне верил, что с его смертью жизнь в Германии остановится.

Перед смертью Гитлер решил исполнить заветное желание Евы Браун и жениться на ней. 29 апреля 1945 г. состоялось их бракосочетание. Величайший момент в жизни Евы Браун наступил, когда на обычное обращение прислуги «фрейлейн» она ответила: «Теперь зовите меня фрау Гитлер».

Сразу же после бракосочетания Гитлер продиктовал свою последнюю волю и политическое завещание, где оправдывал свою жизнь и деятельность. 30 апреля начался штурм рейхстага. Гитлер решил, что пришла пора покончить жизнь самоубийством, и завещал сжечь свое тело. Он удалился в свои апартаменты и застрелился, а Ева Браун приняла яд. В соответствии с завещанием их тела бросили в котлован в саду канцелярии и сожгли.

Через день Магда Геббельс отравляет своих спящих детей. После этого они с Йозефом Геббельсом идут в сад и убивают друг друга. Их трупы тоже были сожжены.

Последнее убежище фюрера было занято советскими войсками 2 мая 1945 г. В тот же день офицеры «СМЕРШ» обнаружили обгоревшие трупы мужчины и женщины, в которых немцы признали Геббельса и его жену. 5 мая неподалеку от места, где были найдены трупы четы Геббельс, в воронке от бомбы обнаружили сильно обгоревшие мужской и женский трупы, засыпанные слоем земли.

Спустя несколько дней для осмотра пригласили сотрудника охраны имперской канцелярии, который рассказал все, что ему было известно о смерти и сожжении тел Гитлера и Евы Браун. Правдивость показаний немца-охранника подтвердилась найденными в той же воронке трупами отравленных собак фюрера, которые косвенно свидетельствовали о том, что обгоревшие останки принадлежат Адольфу Гитлеру и Еве Браун.

Останки перевезли для экспертизы с целью подтвердить или опровергнуть выводы об идентичности трупов; была сформирована группа военных медиков, которые провели необходимую работу по их идентификации.

Тем не менее Г. К. Жуков на пресс-конференции 10 июня 1945 г. заявил: «Обстановка очень загадочная... Известно, что за два дня до падения Берлина Гитлер женился на киноактрисе Еве Браун. Опознанного трупа Гитлера мы не нашли. Сказать что-либо утвердительно о судьбе Гитлера я не могу. В самую последнюю минуту он смог улететь из Берлина, так как взлетные дорожки позволяли это сделать».

В январе 1946 г. была подписана аналитическая справка о версии самоубийства Гитлера, в которой отмечались некоторые сомнения, основанные на отдельных противоречиях в показаниях свидетелей. В результате в 1946 г. специально созданная комиссия провела дополнительные раскопки на месте обнаружения трупов Гитлера и Евы Браун, которые 21 февраля 1946 г. были перезахоронены на территории военного городка в Магдебурге. Результаты повторных исследований не оглашались.

В 1948 г. обгоревшие останки из бункера были направлены в Москву, в следственный отдел 2-го Главного управления МГБ СССР, который суммировал все факты, связанные с обстоятельствами смерти главарей рейха.

Окончательно уже не раз сожженные тела были уничтожены (но не захоронены) только в 1970 г.

АКТ

(о физическом уничтожении останков военных преступников)

Согласно плану проведения мероприятия «Архив» оперативной группой в составе начальника ОО КГБ при СМ СССР в/ч п/п 92626 полковника Коваленко Н. Г. и сотрудников того же отдела... произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестенд-штрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенаер-штрассе). Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт.

Начальник ОО КГБ в/ч п/п 92626

полковник Коваленко

Сотрудники ОО КГБ в/ч п/п 92626 (подписи)

ДЕЛЁЗ ЖИЛЬ

(род. в 1925 г. – ум. в 1995 г.)

«"Предела нет, Джонатан?" – подумал он с улыбкой. И ринулся в погоню за знаниями».

Ричард Бах, «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Жиль Делёз – один из крупнейших и знаменитейших философов современности, столп философской мысли XX века (это даже как-то удивительно – почему-то кажется, что все философы жили давно-давно). Он вырос в Париже, окончил лицей Карно. После Освобождения учился на философском факультете Сорбонны. Много лет преподавал философию в различных лицах и университетах, в том числе Венсеннском и Сорбоннском, но в последние годы жизни отошел от преподавательской деятельности.

Всемирную известность принесли Делёзу его работы о философах Юме, Анри Бергсоне и Фридрихе Ницше, а также о писателях Марселе Прусте и Захер-Мазохе. Своеобразие мышления этого философа связано в первую очередь с двумя основными темами, к которым он возвращался на всем протяжении своего творчества. Это, во-первых, природа отношений, определяемых им как чистые столкновения, или встречи. А во-вторых, множественный характер существования времени и мышления, которые состоят из разнородных пластов, образующих особое поле, которое не навязывает опыту никакой формы. Из положения о множественности существования, времени и мышления вытекает мысль Делёза о сугубо прикладном и опытном характере этики как изменчивой оценки способов мышления. Эта мысль диаметрально противоположна установкам классической морали, основанной на незыблемости ценностей,

изначальном существовании «плохого» и «хорошего». Наконец, в противовес всем крупнейшим течениям современной мысли Делёз не склонен наделять философию каким-либо предназначением. Он чужд мысли о том, что какая-либо философская система способна отвечать за радикальный и необратимый разрыв в истории мысли.

В последние годы жизни он работал над книгой «Величие Маркса», посвященной не столько Марксу, сколько проблеме значимости философа. Согласно Делёзу, она не измеряется созвучием философских идей духу времени или вечным ценностям – истинное величие состоит в несвоевременности мысли. Мысль не имеет другой меры, кроме актуальности: философия жива ровно настолько, насколько она представляет собой акт мысли, творчество.

После этой книги Жиль Делёз думал оставить сцену философии, перейти к живописи; по-видимому, его все сильнее увлекали линии, сгибы, перегибы, переходы, о которых он столь часто и столь красиво писал; возможно, он искал перспективу ухода с территории слова. Жизнь распорядилась иначе. 3 ноября 1995 г. философ выбросился из окна своей парижской квартиры, положив конец болезни, от которой страдал долгие годы. Его самоубийство стало гимном жизни – во всяком случае, сам Жиль Делёз интерпретировал бы его именно так.

Вообще говоря, писать о личности Делёза непросто, ибо он придерживался мнения, что факты личной биографии незначимы для творчества. Разве возможна частная жизнь мыслителя? Существование философа, утверждал Делёз, всегда строится на творческих основаниях; философ – не просто артист, но изобретатель собственного стиля жизни. Так или иначе, информация о его жизни обрывочна и представляет собой скорее наплыв ассоциаций и рефлексий, чем структурированный набор фактов. С другой стороны, такая «биография» позволяет лучше понять, как выкристаллизовалось решение философа уйти из жизни, которое не было, да и не могло быть спонтанным – Делёз даже интервью не любил давать, т. к. приходилось отвечать на вопросы без предварительных раздумий.

Впрочем, кое-что о его жизни все же известно: у него была семья, он жил в престижном районе Парижа, в последние годы тяжело болел, что и побудило его, в подражание древнегреческим философам, выброситься из окна в декабре 1995 г., восславив таким парадоксальным образом жизнь и подтвердив свое жизнелюбие. И еще – будучи создателем целого ряда концептов философии постмодернизма¹¹, он самой смертью удостоверял свою глубинную приверженность идеям множественности существования: переживание собственной болезни роднило его со Спинозой и Ницше, а добровольная смерть – с философами Древней Греции.

Делёз прожил всю свою жизнь в 17-м округе Парижа – одном из наиболее «престижных» районов столицы. Его жизнь там была чем-то сродни «падению» из довольно богатого квартала возле Триумфальной арки, где он родился, через различные квартиры во время войны, в ремесленный, «пролетарский» квартал округа. Даже само это передвижение может трактоваться как символ постепенного перехода философа к левой идеологии, к которой он, однако же, не относился уж очень серьезно.

Жиль родился в буржуазной семье, придерживавшейся консервативных (правых) политических убеждений. В одном из телеинтервью, обнародованных – по его настоянию – уже после смерти философа, он говорит, что почти не помнит своего детства. Отмечает, что у него исчезли самые ранние воспоминания, что он не является архивом – нет смысла хранить вехи личной жизни, поскольку их наличие ограничивает мыслительную свободу творца.

¹¹ *Постмодернизм* — направление философии, общественных наук и искусства, появившееся в середине XX века. В его основе непринятие иллюзий массового сознания, нашедшее свое отражение в социальных движениях конца 60-х годов. Кроме того, идея множественности жизненных миров, форм культуры не вписывалась в проблематику существовавших направлений философии, каждое из которых претендовало на всеобщность. Основная идея постмодернизма – привнесение неопределенности и контраста в порядок и простоту существующих стилей и направлений. Основная цель – не обнаружение новых фактов реальности, а переработка уже существующих, использование сплава различных стилей прошлого, часто с ироническим подтекстом. С момента своего появления постмодернизм рассматривался как феномен философии Франции, но уже с 70-х годов стал фактом европейской культуры.

Делёз утверждает, что его детство на самом деле ничего не значит, полагая, что писательская деятельность не имеет ничего общего с индивидуальностью, она не является личным или частным делом. Письмо, говорит он, – это становление-животным, становление-ребенком, и каждый, кто пишет, делает это ради жизни, ради того, чтобы стать кем-то, кроме писателя, или чем-то, кроме архива. Делёз настаивает на том, что рассказывать о собственной жизни – занятие столь же неинтересное, сколь быть личным архивом, хранящим воспоминания о прожитых годах. Намного интереснее быть автором, а не собственным мемуаристом. Автор – как его понимает Делёз – не обращается непосредственно к своей личной жизни, не копается в семейном архиве, а, наоборот, старается быть «ребенком вообще» и описывает мир сквозь призму детского безоценочного взгляда, признающего многообразие форм культуры. Что интересного в детстве? – спрашивает Делёз. Возможно, отношения с родителями, братьями и сестрами, друзьями, но все это – лишь интерес к конкретному человеку, а не к его творчеству. Что на самом деле интересно, так это испытать чувства ребенка – но не воспроизводить чувства из своего детства, а пытаться стать ребенком как таковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.